

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-историческия журнал № 1 (52)
январь, 2021

2021

СЛОВО РЕДАКТОРА

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Поздравляю с наступившим Новым годом! Хочется всем пожелать, чтобы в этом году с нами произошло то самое чудо, о котором мы все так мечтаем. Хотя у каждого оно своё, но оно обязательно самое необходимое и самое важное. Желаю, чтобы все мы были живы и здоровы, чтобы занимались тем, что приносит нам удовольствие и вдохновение. Желаю достигать новых вершин и самореализовываться. А ещё пожелать хочу побольше радостных моментов, которые превратятся в приятные воспоминания, и встреч с преданными друзьями и любимыми домочадцами. Новых открытий!

Мы начинаем год и представляем в январском «Александре» творчество писателей самого западного региона России – Калининградской области. На протяжении всего 2021 года планируются публикации из различных регионов России, что позволит вам, дорогие друзья, познакомиться с замечательными произведениями, раскрывающими таланты современной российской литературы.

Хотелось бы поблагодарить за помощь в подготовке этого номера «Александра» руководителя Калининградского отделения Союза писателей России Александра Константиновича Малышева, а в его лице всех руководителей региональных отделений за их тяжёлый бескорыстный труд в сложнейшей с материальной точки зрения ситуации. Ваши старания не проходят даром и крайне важны для развития русской литературы!

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

На самом западном рубеже нашей Родины расположена Калининградская область, земля со сложной историей, возрождённая после военных потрясений трудом советских людей. Сегодня это поистине один из красивейших уголков России. Ещё несколько десятилетий назад это был рыбацкий край. Калининградские рыбаки за год добывали более миллиона тонн рыбы, а китобои – до 180 тысяч тонн китового мяса. Это был поистине героический мирный, но часто опасный труд, за который девяти труженикам рыбной промышленности Калининградской области было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. И в то же время при освоении промысловых районов Мирового океана произошло тридцать девять морских трагедий, и так совпало, что наш регион сегодня называется тридцать девятым. В наше время о Калининградской области всё больше говорят как о Янтарном крае. В прошлом году здесь было извлечено из недр 450 тонн янтаря. В области имеются большие запасы калийной соли, и может, со временем регион будут называть как-то по-иному. А я хочу, чтобы он вернул себе прежнюю славу рыбацкого края.

Литературная жизнь Калининградской области всегда была очень насыщена и разнообразна. Да это и не удивительно, ведь после войны сюда приехали переселенцы из многих регионов нашей страны. Рыбная промышленность и сельское хозяйство, целлюлозно-бумажное производство и кораблестроение, энергетика и строительство, органы государственного управления и правопорядка, медицина и санаторно-курортное лечение – да разве можно перечислить всё, что необходимо было создавать на новом месте? И обо всём этом нужно было рассказывать людям через средства массовой информации и сохранить для истории поистине вдохновенный труд людей в литературных произведениях.

Александр МАЛЫШЕВ,
председатель правления Калининградского отделения
Союза писателей России

СЛАВЯНСКИЙ ФОРУМ ПИСАТЕЛЕЙ
ЗОЛОТОЙ ПУТЬ

Журнал издан при финансовой поддержке администрации Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации.

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 1 (52), январь 2021 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.01.2021 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ГОСТЬ НОМЕРА

- 6** Александр Малышев.
Литературный Калининград

ПРОЗА

- Дмитрий Воронин.
12 Заруська
14 Бедная Алка

ПОЭЗИЯ

- 18** Светлана Супрунова.
Лишь те слова, которые нужны
21 Игорь Голубь

ДУХОВНЫЕ ЗЁРНА

- 24** Татьяна Никитина.
Икона Божией Матери
«Млекопитательница»

НОСТАЛЬГИЯ

- 29** Юрий Крупенич.
Пианино старой работы

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 33** Анатолий Грицук.
Не отпускает море от себя
36 Людмила Эйза

ЖИТЕЙСКОЕ

- 39** Сергей Гошев.
Сиреневый май

РАЗМЫШЛЕНИЯ

- 42** Екатерина Кожевникова
45 Валентина Ивашина
47 Виктор Геманов

ЛИЧНОЕ

- 49** Таисия Богдан-Журихина.
Исповедь

СУДЬБА

- Валерий Горбань.
54 Лимончики
57 Авитаминоз

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 60** Татьяна Тетенькина
63 Ольга Воробьёва
66 Юлия Румянцева

РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ

- Юрий Федорищев.
69 Алкогольный дуэт
71 Нищий богатый край

КАЛЕЙДОСКОП

- 73** Екатерина Мантурова
76 Любовь Мазалова.
С верой в Русь...
79 Игорь Ерофеев.
Заменила тишина стрельбище
вселенское
81 Василий Петушков.
Я с морем бываю в разлуке
недолгой
83 Виталий Чернухо.
Мы выразить часто бываем
не в силах...

АФОРИЗМЫ

- 85** Ларион Земсков

ЮБИЛЕЙ

- 87** Александр Горянин.
«Весёлый странник золотого века»
89 Юрий Ключников.
Зимние стихи
92 Анатолий Труба.
Путь Учителя

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 94** Александр Сергеев.
Плодотворная осень

Литературный КАЛИНИНГРАД

В 1960 году постановлением правления Союза писателей РСФСР в Калининградской области было создано отделение писательской организации. Первым председателем правления Калининградской писательской организации стал Константин Сергеевич Бадигин. За беспримерный подвиг ему, капитану ледокольного парохода «Седов», было присвоено звание Героя Советского Союза. В войну капитан Бадигин участвовал в проводках конвоев союзников по арктическим районам. А в 60-х годах Константин Сергеевич

Константин Сергеевич Бадигин

ходил капитаном на судах Калининградского управления «Мортрансфлот». Он уже был человеком-легендой, знаменитым исследователем Арктики и известным советским писателем.

Имя Константина Сергеевича Бадигина навеки связано с созданием Калининградской писательской организации.

В 2018 году мы провели первый Открытый заочный межрегиональный литературный конкурс маринистики имени Константина Сергеевича Бадигина. Этот конкурс проводится ежегодно.

В 2017 году был проведён областной, а в 2018 году – первый Открытый заочный межрегиональный литературный конкурс «Ты сердца не жалея, поэт», посвящённый памяти выдающегося татарского поэта, писателя, литературного дея-

Фатых Каримов

теля, автора сотен стихотворений, восемнадцати поэм, двух повестей, одной драмы, отдавшего свою жизнь за свободу и счастье нашей великой Родины, – Фатыха Валеевича Каримова (Фатыха Карима). Он также проводится ежегодно.

После развала СССР первыми членами возрождённой 29 сентября 1992 года Калининградской писательской организации стали А. М. Старцев, Е. А. Зиборов, В. М. Зуев, В. В. Сысоев, Т. Г. Тетенькина, немного позже присоединились А. А. Лунин, Г. Т. Правиленко, А. А. Сосин, Ю. А. Крупенич.

После Андрея Максимовича Старцева председательский пост занимали поэты Николай Василевский, Юрий Крупенич, публицист Светлана Николайчук. С 2007 по 2016 год во главе писательской организации был Виталий Евгеньевич Шевцов, а с 2016 года её возглавил Александр Константинович Малышев.

На сегодняшний день в писательской организации КРОООО «Союз писателей России» (Балтийская писательская организация) состоят на учёте 35 писателей и один кандидат в члены писательской организации.

Калининград, Балтийск, Светлый, Советск, Черняховск, Нестеров, Славск, Неман, Полесск, Гвардейск – такова на сегодняшний день литературная карта КРОООО «Союз писателей России» в нашей области.

Лирическая, гражданская, патриотическая и ироническая поэзия, исторические былины, песенная поэзия, краеведение, военные мемуары, басни, публицистика, семейная проза, военная проза, драматургия – это жанры, в которых (каждый в своём) работают наши писатели.

В состав правления Калининградского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (Балтийская писательская организация) входят А. К. Малышев – председатель КРОООО «Союз писателей России» (Балтийская писательская организация), М. И. Полищук – заместитель председателя, А. А. Белоусов (Красов), А. П. Грищук и В. С. Геманов.

Наша писательская организация широко известна и своей общественно полезной деятельностью. Вот лишь некоторые её направления.

Работа с детьми. Это самый важный и серьёзный момент в деятельности писательской организации. В городе Советске уже четыре года работает детско-юношеский клуб литературного творчества «Эхо», которым руководит член Союза писателей России А. П. Грищук. В городе Черняховске шесть лет руководит клубом детской поэзии «Филир» член Союза писателей России И. В. Ерофеев. В долгосрочных литературных проектах писательской организации активно участвуют работники библиотек, учащиеся школ и высших учебных заведений Калининграда и области.

«Книга – флоту». Ежегодно, по знаменательным российским датам, проходит литературный десант на корабли Балтийского флота и береговые части сухопутной группировки. Это литературно-музыкальные выступления писателей и каждый раз передача небольших библиотек из художественной и технической литературы во флотские и воинские коллективы. Этот проект мы проводим совместно с калининградскими библиотеками уже в течение восьми лет.

«Тёркинские чтения». Областной фестиваль патриотической поэзии и бардовской песни. Проходит он в городе Гвардейске Калининградской области в каждом июне начиная с 2009 года. Ведь именно здесь в 1945 году А. Т. Твардовский написал последние строки своей великой поэмы о русском солдате-победителе.

«За далью – даль». Калининградский областной литературный конкурс профессиональных и начинающих писателей. Конкурс посвящён памяти Александра Трифоновича Твардовского. Проводится с 2013 года в городе Черняховске Калининградской области.

«Ты сердца не жалея, поэт». Калининградский областной литературный конкурс. Посвящён памяти татарского поэта, писателя, литературного деятеля, отдавшего свою жизнь за свободу и счастье нашей Родины.

«Разговор о старом друге». Этот проект задуман как дань памяти старшему литературному поколению Калининградской области.

«Соль земли калининградской». Организация встреч с читателями в городах и посёлках области.

«Письмо Победы». Дети вместе с писателями, родителями и работниками библиотек пишут от руки личные письма не только ветеранам войны, но и труженикам тыла, бывшим узникам фашистских концлагерей. На праздник 9 Мая организуются встречи в школах и библиотеках. Письма разносят по адресам «детские почтальоны».

«Вторая жизнь книги». Совместный литературный проект с библиотеками и читателями области. Проект стартовал в 2014 году. Книги судовых библиотек «Атланттралфлота» (6523 книги) были сохранены руководством компании от уничтожения. Писатели и волонтеры перебрали их, привели в порядок. Удалось дать «вторую жизнь» 4964 экземплярам книг. Во флотские библиотеки БФ передано 654 книги (девять мини-библиотек), в миграционную службу по Калининградской области – 454 книги, в УФСИН по Калининградской области – 2506 книг. Работа продолжается.

На сегодняшний день Калининградское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (Балтийская писательская организация) достойно продолжает литературные традиции Калининградской писательской организации.

Александр МАЛЫШЕВ

ШИНЕЛЬ

Не примерял шинель чужую,
Всегда свою ношу.
Пусть лишь солдатскую, простую,
Другую не прошу.

Чужая с виду, может, лучше,
Красивей и модней,
От Зайцева или от Гуччи.
Но будет ли теплей?

В своей прошёл через невзгоды
И не замёрз в пургу.
Она спасла от непогоды,
Её я берегу!

* * *

Я конь степной, в упряжку не гожусь.
Живу на воле, этим и горжусь.
Средь трав родился, вырос в табуне,
Такая жизнь всего дороже мне.

Я в стойле не смогу прожить и дня,
А шоры на глазах убьют меня.
Кто голод росной утолял травой,
Я знаю, согласится тот со мной.

Кто на копытах не носил подков,
Тот за свободу жизнь отдать готов.
Пусть мимо пролетит меня аркан,
Когда несусь в пыли, как ураган.

Я по арене цирка не хожу.
Как ветер, своей волей дорожу.
Не смог бы пережить я крепких пут.
Люблю свободу, а не хлесткий кнут.

ПО КОСЕ ИДУ ЛЕСНОЙ ТРОПОЮ

По косе иду лесной тропой,
Слышу, вдалеке прибой шумит.
Были с морем связаны судьбою,
И от встречи сердце вновь щемит.

Строй берёзок, сосны, можжевельник,
Кабанами папоротник взрыт.
И в фате из паутины ельник
Словно зачарованный стоит.

Помню поступь лёгкую по дюне
Здесь, у кромки зыбкого песка,
Ту разлуку глупую в июне
И тебя, что так была близка.

Вот и море. Как оно безбрежно!
Не от ветра слёзы на глазах...
И ласкают волны ноги нежно,
И устало прячутся в песках.

Вновь забыты горести, тревоги.
Греют душу счастье, и покой,
И надежда на лесной дороге
Нам случайно встретиться с тобой.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Зима пришла нежданно, как всегда,
Запорошила грустные тропинки,
И души наши, словно половинки,
Уж не разъединятся никогда.

Как чист и непорочен первый снег!
На сказочный покров не насмотреться.
От этой красоты куда мне деться?
Вот он, природы бесконечный бег.

Спокойно море, тишь, ни ветерка,
Кружатся только зябкие снежинки.
От радости у глаз твоих морщинки,
И дарит мне тепло твоя рука.

Куда ни ступишь – первые следы.
Их просто невозможно не заметить.
К кому спешим, теперь укажут эти
Замёрзшие хрусталики воды.

НЕ РАЗУЧУСЬ ЛЮБИТЬ

Часовые любви на Волхонке стоят.

Часовые любви на Неглинной не спят.

Булат Окуджава. «Часовые любви»

Часовые любви, я из вашей когорты солдат.
И стою на посту, так как верю в любовь неизменно.
Пусть, сменяя друг друга, безжалостно годы летят,
Для меня наша клятва, что в юности дал я, священна.

Изменяются нравы, и вьётся истории нить.
Только грустны порой изменения эти, поверьте.
Ведь уже научились за деньги страдать и любить,
И признанья в любви не летят к нам в почтовом конверте.

Пусть меняется мир, но останутся вечно посты,
Где стоят часовые любви, так, как прежде когда-то,
Чтобы юные души всегда оставались чисты.
И пусть вера в любовь для них будет по-прежнему свята.

Часовые любви, я из вашей когорты солдат.
И стоять на посту буду честно без срока и даты.
Пусть безжалостно годы на смену друг другу летят,
Только б нас, часовых, не сменили «любви банкоматы»!

ЛЮБИТЕ, ЖЕНЩИНЫ, МУЖЧИН

Любите, женщины, мужчин.
Дарите ласку ежечасно.
Ведь жизнь от этого прекрасна.
Любите, женщины, мужчин.

Щадите, женщины, мужчин.
Не разбивайте их надежды.
Мужчины, в общем-то, невежды.
Щадите, женщины, мужчин.

Жалейте, женщины, мужчин.
Не создавайте им проблемы.
Решают пусть свои дилеммы.
Жалейте, женщины, мужчин.

Ругайте, женщины, мужчин.
Для ссоры нужен только повод.
Пусть ищет он в защиту довод.
Ругайте, женщины, мужчин.

Ревнуйте, женщины, мужчин.
Порой пусть даже и напрасно.
Любовь без ревности несчастна.
Ревнуйте, женщины, мужчин.

Прощайте, женщины, мужчин.
Они грубы и так нелепы,
Бесчувственны и часто слепы.
Прощайте, женщины, мужчин.

Терпите, женщины, мужчин.
От них порой вам мало проку.
И все подвержены пороку.
Терпите, женщины, мужчин.

Храните в памяти мужчин.
Нет идеала на планете.
Похожи чем-то те и эти.
Храните в памяти мужчин.

Любите всё-таки мужчин.
Дарите ласку ежечасно.
Любовь, она всегда прекрасна.
Без недостатков нет мужчин.

ХОЧУ Я ЖАЖДУ УТОЛИТЬ

Хочу я жажду утолить
Водой холодной, родниковой.
Её с твоих ладоней пить
И встрече радоваться новой.

Хочу я Господа просить
Простить былые прегрешенья.
И лишь тебя одну любить,
Чтоб вымолить Его прощенье.

Хочу повсюду рядом быть,
Вновь околдованный тобою.
Лишь об одном тебя просить,
Чтоб стала ты моей судьбою.

И не жалея ни о чём,
Мою ты согревала душу.
И чтоб не стала палачом,
Коль клятву верности нарушу.

Смогу ли жажду утолить
Я той водою родниковой?
И поцелуями покрыть
Твоё лицо при встрече новой?

НЕ РАЗУЧУСЬ ЛЮБИТЬ

Не разучусь любить балтийские просторы,
В загадочной дали плывущий горизонт
И над крутой волной бакланов шумных хоры
Да в небе надо мной волшебный звёздный зонт.

Не разучусь любить я вешние рассветы
И падающий снег на яблони в цвету,
Лишь иногда взгрустну, гадая, с кем ты, где ты?
По-прежнему любя тебя – девчонку ту.

Не разучусь любить я родника прохладу,
Где ключевой водой я жажду утолял.
Казалось мне тогда: ну что для жизни надо,
Ведь я так счастлив был, найдя то, что искал!

Не разучусь любить моря, леса и горы,
Прекрасный этот мир желаний и страстей,
Где всё переплелось: согласие и споры,
И счастье – просто жить в потоке скоростей!

ОТ ТЕБЯ ВДАЛЕКЕ

От тебя вдалеке,
В душном мареве горной дороги,
Незаметно подкралась, как южная ночь,
эта грусть.

В стихотворной строке
Ощущенье сердечной тревоги
Донести до тебя наяву я когда-то решусь.
И страдает душа
От разлуки и долгих скитаний.
Неужели дождусь наших нежных
и радостных встреч?

Может, зря вороша
Эту боль от любви испытаний,
Я надеюсь, что ты так, как я,
будешь верность беречь.

Я бы мог не спеша,
Без раздумий и воспоминаний,
Всё понять и осмыслить в горячих объятьях
с тобой.

Как же ты хороша!
И твой образ из воспоминаний
В эту звёздную ночь, как виденье,
встаёт предо мной.

* * *

Я не верю пустым словам,
От них проку нет никому.
Я сужу людей по делам,
По достоинствам и уму.

Верю в то, что увидел сам,
Что тащил на своём горбу.
Я не верю пустым словам,
От них проку нет никому.

Выбирал тех, о ком мечтал,
Кто мне ближе, кого пойму.
Я сужу людей по делам,
По достоинствам и уму.

Я не верю давно слезам,
Меня жалобить ни к чему.
Я не верю пустым словам,
От них проку нет никому.

Помню всех, кто за честь стоял,
Кто на пир со мною и в бой...
Очень редко людей встречал,
Тех, кто искренен был со мной.

Никого из них не предам
И в разведку с собой возьму.
Я сужу людей по делам,
По достоинствам и уму.

МОЙ ГОРОД

Много видевший город,
Где Гофман нам сказки писал.
До сих пор о названье
Идут бесконечные споры.
С равелина здесь Бессель
Движеньё планет наблюдал.
Много лет мудрый Кант
Философские вёл разговоры.

Чем гордиться тебе
По прошествии множества лет?
Что Преголя несёт
К тебе тёмные тихие воды?
Кто осмелится дать
Справедливый и честный ответ?
И кто всех примирит,
Павших в войнах за долгие годы?

Я иду в обрамленье
Убранства твоих площадей,
Словно в книге, листаю
Истории здешней страницы.
И всё реже встречаю
Знакомые лица людей,
И всё чаще грущу,
Что так город успел измениться.

Как в туннеле, в конце,
В моей памяти зиждется свет.
Этот город, что очень люблю,
Бесконечно мне дорог:
Здесь встречали мы в юности
Послевоенный рассвет.
Здесь мы в парке Калинина
Мчались с заснеженных горок.

И, сроднившись с тобой,
Мы всегда сожалели о том,
Что, спеша в океан,
За кормой оставляем свой город,
И гордились тогда
Мы нелёгким рыбацким трудом,
Что тебя возрождал,
Чтобы вновь стал красив ты и молод.

Милый город, я здесь
Много праведных истин познал.
Я уже не веду
О тебе бесполезные споры.
Для меня ты и друг мой,
И самый надёжный причал,
Раскрывающий щедро
Пред всеми морские просторы.

МЫ СЕГОДНЯ В ДОЛГУ

Мы сегодня в долгу перед тем поколением,
Что в боях погибало, не встав на колени.
Защищало Отчизну в военные годы,
Собирая в кулак наши братья-народы.
Мы сегодня в долгу перед нашей страной
С очень трудной порой и жестокой судьбою,
Что её обвиняем во всех своих бедах,
Забывая о прошлых великих победах.
Мы сегодня в долгу перед памятью павших
На полях многих войн, всех безвестно пропавших,
Всех в застенках замученных, гордых и смелых,
И погибших в боях, за тех красных и белых.
Мы виновны теперь даже перед собою,
Разучившись гордиться великой страной.
И за это в долгу неоплатном и вечном
Перед временем нашим, таким быстротечным.
И, покинув родные места, где погосты
Наших предков, за них произносим лишь тосты.
Обезлюдев, родные места одичали,
Превратились поля в необъятные дали.
Где теперь нам найти эти вечные скрепы,
Что в былинах старинных для нас были легты?
Мы сегодня в долгу у былых поколений,
Не встававших пред сильным врагом на колени!

Александр МАЛЫШЕВ

Дмитрий ВОРОНИН

Родился в 1961 году в г. Клайпеда (Литовская ССР). Сельский учитель. Автор трёх сборников рассказов. Участник тридцати альманахов и прозаических сборников в России, Украине, Беларуси, Германии.

Публиковался в журналах: «Алтай» (Барнаул), «Балтика» (Калининград), «Балтика» (Таллин), «Берега» (Калининград), «Бийский вестник» (Бийск), «Великороссь» (Москва) и т. д.

Лауреат премии «Золотое перо Руси», лауреат международных конкурсов и фестивалей «Славянская лира» (Беларусь), «Славянские традиции» (Крым) и других.

Член Союза писателей России. Член Конгресса литераторов Украины.

Член редколлегии калининградского литературного журнала «Балтика».

ЗАРУСЬКА

За уютным столиком летнего кафе на старой могилёвской улице сидели два пенсионера и тихо беседовали.

– А помнишь, Паша, девчущку такую смешную, что прибилась к нам в тумане за сутки перед тем, как мы на тутошней окраине окопались? Маманя у неё где-то в отступлении при бомбёжке потерялась, а папаша вроде как тоже воевал. Сама росточка маленького, худенькая, и косички в разные стороны, а в них ленточки то ли синие, то ли зелёные, не помню уже, вплетены.

– Красные, Семён, красные.

– Может, и красные. Нос задран и весь в веснушках, да и имя такое странное, на Маруську схожее.

– Заруська.

– Во-во, Заруська, она самая, – засмеялся Семён. – Заруська-беларуська. Мы её ещё всё пытали, какой она национальности. А она всё хохлилась да так удивлённо выговаривала: «Ну что ж вы глупые-то такие! Беларуська я,

кто ж ещё?» А мы смеялись: «Так вроде нет таких имён среди белорусов». А она в ответ с возмущением: «Ну как так нет, если вот она я, Заруська!» – «А может, всё же Дуська, спутала ты?» – «Сами вы Дуськи, – обижалась. – Ну как спутала, коли мамка так звала и тятка. Совсем уж вы глупые!»

– Да, было дело, – улыбнулся Павел.

– А ведь ей сколько было-то тогда, лет тринадцать-четырнадцать? Интересно, какая она теперь, Заруська эта?

– Какая? – посуровел взглядом Павел. – А такая же. Ничуть не изменилась.

– Это как так?

– А вот так. Слушай, – закурил папиросу старик. – Как немец-то на Могилёв двинул, тебя вроде в тот же день подранило, так?

– Так, – согласно кивнул Семён, – в правое плечо. Очнулся в госпитале дня через три.

– Свезло тебе. Днём-другим позже – всё, захлопнулась бы калиточка. И мышь не проскочила бы. Взял в кольцо нас немец, плотно взял.

– Знаю, – погрустнел товарищ. – Как сам выбрался-то?

– А вот об том и речь, – примял первую папиросу старый солдат и закурил вторую. – Сколько раз на прорыв пытались чуть не всей дивизией, и всё без пользы, только смертей полнёхонько. И тогда приказ вышел – прорываться малыми группами. Нас ротный собрал, кто остался, человек двадцать, да с другой роты столько же, ну и двинули в ночь. А утром, когда до очередного леса десять шагов осталось, на нас немцы и выкатили. А может, мы на них сдуру нарвались, без разведки ведь шли, всё на глазок да на авось. В общем, плохо дело приключилось. Немцев-то не так уж и много чтобы, но ведь у каждого автомат, да ещё с танком впереди. А у нас что? Окромя винтовок да гранат эрпэгэшных и нет ничего. Так с гранатой ещё до танка добежать надо, а кто ж позволит-то? Вмиг на гашетку – и всё, алес капут. Залегли в поле в траву, ждём. А чего? Смерти, наверно. И тут глядь, Заруська наша встала в полный рост и к немцам пошла. Не побежала, нет, а так спокойно пошла. Идёт и руку вверх подняла.

– Сдаваться, что ль? – ахнул Семён.

– Да слушай ты, – рассердился Павел. – Какой сдаваться? Одну руку подняла, вторую, полусогнув, на поясе держит. Идёт так и ладонью помахивает из стороны в сторону, ну вроде как то ли приветствует немцев, то ли останавливает. Немцы и остановились. Ждут, смотрят на неё удивлённо. Им, видать, как и нам, непонятно стало, что происходит. Заруська-то издали ребёнок ребёнком. Вот так она почти в полной тишине до них и дошла. Мы молчим, не понимаем, они молчат, не понимают, и только мотор у танка работает. И вот когда до него пара-тройка метров осталась, Заруська руки опустила и тут же правую снова подняла, но уже с гранатой.

– Как так? – поразился Семён.

– А так! Сами обалдели, – нервно затушил папиросу Павел и тут же достал новую. – В этот-то момент наш ротный как заорёт таким голосом, вроде как удивлённым и упреждающим, мол, что ты, зачем: «Зару-у-ська-а!» И тут

же взрыв, да такой – башню от танка напрочь, словно косой по траве на утренней зорьке. Немцев вокруг всех разметало, как осеннюю листву ветром. Куда уж она умудрилась попасть той гранатой, совсем непонятно, чтобы вот так, как былинку, башню смело.

– Да быть такого не может, чтобы от гранаты какой-то и машину такую снести! – присвистнул Семён.

– Конечно, не может. А вот снесло. У нас у всех от невидали такой глаза на лоб повылазили да волосы дыбом встали, – закурил всё ж третью папиросу Павел. – И вот тут-то началось, тут-то с нами что-то и вышло. Поднялись мы с земли как один, без всякой команды, да с какими-то дикими, пожалуй, звериными криками – и вперёд. Кто орет «За Руську!», кто – «За Русь!», кто – «За Белоруску!», кто – «За Беларусь!». Вмиг до немцев доскочили, а они как чумные, будто из ваты, без всякой воли оказались. Смяли мы их и ушли...

Павел замолчал.

– А как же Заруська? – осторожно прервал затянувшееся молчание однополчанина Семён.

– Погибла, конечно, – тяжело вздохнул Павел. – Взрыв-то какой был, мы ведь её так и не нашли. Но имя-то, имя – За-Русь-ка! Как оно на нас, у-ух! И сегодня мурашки по телу. Вышли мы из окружения, и пока нас особисты проверяли, всё про танк да про девчонку нашу героическую говорили. Каждый день к ней разговорами возвращались. И про то, как она к нам неожиданно прибилась, и про то, как ушла от нас. Ведь ничегошеньки не нашли, даже ленточек тех самых, красных, такой плотный туман вдруг после нашей атаки всё кругом окутал. И про имя её необычное всё догадки строили: а как полностью-то? Никто же не спросил у неё, как по метрике величать. Рассуждали: а что если б просто Маруськой девчонку звали, встали бы мы, совладали с немцем? И ещё один факт, хошь верь, хошь нет. Узнавал я после войны судьбу тех, кто тогда со мной из окружения вышел. Так вот, ни один не погиб, все домой целыми вернулись, будто всем нам Заруська ангелом-хранителем оказалась, а может, и вся Русь вместе с ней.

БЕДНАЯ АЛКА

На центральном продовольственном рынке всегда толпа, а в колбасном павильоне тем более. Бедные продавцы и не отдыхают почти. Народ как на конвейере идёт, практически безостановочно. Кто покупает, кто приценивается, кто просто запахами надышаться приходит. Люди бывают разные. Одни – спокойные и вежливые, другие – истеричные и дёрганные, третьи – наглые и хамоватые, четвёртые – капризные, с вечным недовольством и претензиями. Трудно продавцам целый день с таким контингентом, да и они сами – люди разные, сборная солянка, и в их рядах не все терпеливо улыбаются, и у них мата и хамства предостаточно, а частенько – даже с избытком.

Трубина Татьяна за своим прилавком почти два года уже простояла, разных людей навиделась, всякого наслушалась, за это время опыта торгового с лихвой набралась. Когда

надо – улыбалась, когда надо – заискивала, когда – грубила, а порой и матерком отборным посылала. И кто ещё лет двадцать назад мог предположить, что красавица Танюшка, одна из продвинутых выпускниц университета, встанет за прилавок с сосисками и салом. Но жизнь распорядилась по-своему, и Татьяну она прокрутила по полной.

Попав в одну из азиатских республик на работу в местный университет, Татьяна и думать не думала, какой удар нанесет ей судьба. В страшные девяностые Трубина потеряла всё: работу, мужа, который спился из-за невестрованности и где-то сгинул на бескрайних степных просторах, квартиру, которую отобрали местные аборигены, и чуть было не лишилась двух своих дочерей, если бы вовремя не сбежала из дружественной страны. Сбежала же Татьяна не куда-нибудь в чистое поле, а на

свою родную российскую землю, в свой родной любимый город, в котором прошло детство и отрочество, в котором вышла замуж за любимого человека. Вернулась она в свой город, но лучше бы и не возвращалась. Принял он её как падчерицу – враждебно и с недоверием. Татьянины родители к тому времени уже умерли, их квартиру давно отдали другим людям, вот и пришлось Татьяне снимать комнату в коммуналке почти без удобств на окраине города. Шансов купить собственное жильё не было никаких, уйма денег уходила на оплату всевозможных справок и разрешений, требующихся в невероятных количествах коренной «негражданке» для проживания. Часть денег шла на обустройство дочек-близняшек сначала в школе, потом в институте, часть – на еду, ещё часть – на одежду. Сама Таня в поисках работы сначала мыкалась по бюджетным организациям, потом пыталась заняться бизнесом, но «негражданку» постоянно обманывали, пользуясь её юридической незащищённостью. В конце концов, пересилив себя, Татьяна по великому благу устроилась на рынок продавцом в колбасный отдел. Эта работа давала ей возможность хоть как-то сводить концы с концами. Только жёсткая экономия, только самое-самое необходимое.

– Мне вон той сырокопчёной колбаски завесьте пару кружочков, – ткнула в витрину толстым мизинцем, украшенным массивным золотым кольцом, полная дама в соболиной шубе. – Нет, не этот, вон тот рядом, вот-вот. И окорочок вон тот весь достаньте. Ага, ага, и эту грудиночку, кусочка четыре. Нет, не эту. Эта больно несвежая. Вон ту, посвежее, вот-вот. Ах, хороша! – причмокнула дама ярко накрашенными губами, обнюхав поданный кусок.

Было такое ощущение, что она сейчас же вцепится в грудинку зубами и начнет жадно её поедать. Но дама продолжала выбирать.

– А теперь вон той ветчинки с килограммчик-полтора. И вон тех охотничьих колбасок тоже так же. А ещё рулетика килограммчик. Ага-ага. Ничего не забыла? – кокетливо поправила свою причёску покупательница. – А, вспомнила, мне сосисочек, кило так два-три.

«Докторских». Вон тех, ага-ага, для собачки, мосюлечки моей. Ну и грудки куриной, вон той. Ага.

– Сколько с меня? – дама полезла в сумочку за кошельком и наконец-то подняла голову на продавца. Лицо у неё удивлённо вытянулось. – Ба, Танюха, ты ли это? – радостно вскрикнула толстуха. – Вот так встреча, вот так сюрприз!

Татьяна недоумённо уставилась на незнакомку.

– Простите?

– Не узнаешь, что ли? Это же я, Алка Сорокина.

– Алка? Сорокина?

– Ну да! Что, изменилась? Похорошела? – крутанулась возле прилавка бывшая Татьяна подруга.

– Это точно, и не узнать тебя, какой стала, – с любопытством разглядывала покупательницу Татьяна, поражаясь, в кого превратилась её бывшая подруга, некогда худенькая миниатюрная девчонка.

– Да, вот такой вот стала! – подбоченилась Алка, выставя напоказ свою соболиную шубку. – Нравлюсь?

– Богато, – вздохнула Татьяна.

– Разве это богато, – тут же отмахнулась Алка, – чуть выше бедного.

«Ничего себе – беднота, вся в золоте и соболях», – подумала Татьяна.

– Слушай, Танька, а как у тебя дела? Небось, уже и домик свой у моря, и «мерс» крутой, а? Ты же у нас самая умная была, – громыхал по павильону голос Сорокиной.

Татьянины товарки с изумлением поглядывали на толстуху, понёсшую какой-то бред про «мерседесы». Какие могут быть «мерседесы» у продавца колбасы!

– А муж, наверное, уже академик, а, Танюх? – продолжала тараторить Алка. – Небось, по заграницам мотаетесь, на Мальдивах отдыхаете?

– Ал, ты так шутишь? Я что, похожа на миллионершу? Они что, все колбасой за прилавком торгуют?

– Ну извини, – чуть убавила голос бывшая подруга, – не подумала. Да и кому сейчас хорошо.

Я вот тоже концы с концами еле свожу. Денег катастрофически не хватает ни на что.

– Да ладно, – саркастически покосилась на Алкины кольца Татьяна.

А та продолжала, ничуть не смутившись:

– Точно тебе говорю – денег нет. У мужа бизнес завис, он у меня недвижимостью занимается, строительством, а там сейчас какие-то тёрки с конкурентами, никак не договорятся по застройкам. Из-за этого уже месяц на голодном пайке, даже поесть толком нечего, – начала вполголоса жаловаться на жизнь Сорокина. – Веришь, нет, у нас трёхэтажный особняк на взморье, квартира двести квадратов в центре, везде ремонт, и всё встало. Бедлам как у бомжей, жить негде, хоть в гостиницу съезжай.

Татьяна удивлённо смотрела на Алку, а та продолжала:

– Купила недавно «Лексус» себе, у мужа – «шестисотый», так на горючку не хватает, вот сегодня до рынка еле доехала.

– Сочувствую, – иронично произнесла Татьяна.

– Не ты одна, – тяжело вздохнула Алка. – Сегодня домработницу рассчитывала, так она мне тоже посочувствовала, пожалела, мол, как я с таким хозяйством справлюсь. А что делать, коль с финансами проблема? Правда, мой обещал этот вопрос в течение месяца разрулить, но ведь этот месяц ещё прожить надо. А на мне теперь всё – и дом, и еда, да и сыну помогать надо.

– А он у тебя где? Большой, наверное, уже?

– Большой, да дурной, – пренебрежительно отмахнулась Сорокина. – Уже девятнадцать, а ума не было и не будет. Мы его отправили в Англию, в Лондон, на юриста учиться, чтоб в отцовской фирме работал потом, а он учится через пень-колоду, только денег требует.

– Учёба-то платная, наверное, дорогая?

– Ну конечно, – возмущённо повысила голос Алка. – Дерут как липку, в три шкуры. Несколько десятков тысяч евро за семестр, плюс на мелкие расходы тысяч пять за месяц. Просто грабеж какой-то. Мы что, печатаем эти еврики? В общем, подруга, дела мои плохи, как никогда. Да и сама посуды, – стала загибать пальцы

толстуха, – дом и квартира – раз, сын-оболтус – два, услуга – три.

– А у вас что, кроме домработницы ещё кто-то есть? – не переставала удивляться Татьяна.

– А то! – гордо вскинула подбородок Алка. – Садовник – раз, охранник – два, второй охранник – три, два водителя, один мой, другой – Вовкин. Ну там приходящий повар, ещё разнорабочий. И все дармоеды, все как один, только и слышишь: денег добавьте, денег добавьте, а делать, как полагается, ничего не делают. Уволила бы всех, да где новых взять, ещё хуже придут. Народ у нас ленивый, сама знаешь, так уж лучше пусть эти работают.

– Ал, а ты сама-то где работаешь? – осторожно поинтересовалась Татьяна.

– Ой, Тань, не поверишь, целыми днями как белка в колесе. Не помню, когда последний раз на концерты выходила. Нет, вру, в конце прошлого месяца удалось на Борю Моисеева попасть. Ну это, я тебе скажу, суперкласс. Сходи, если будет возможность, непременно! – В глазах у Алки загорелись восторженные огоньки. – И билеты совсем копеечные, в пределах двух тысяч. А ещё была до Бори на «бабках», оборжалась чуть не до обморока. Слушай, надо бы нам вместе куда-нибудь сходить. На следующей неделе Димочка Билан приезжает, билеты тысячи в три обойдутся. Как ты?

– Не могу, Ал, работы много, – отрицательно покачала головой Татьяна.

– Да ладно тебе, работа – не волк, в лес не убежит. Закрой свою лавочку пораньше или поставь кого вместо себя, да сбегает на концерт, потом в ресторанчик забуримся, вспомним молодость. Я, Тань, если мне куда надо – в салон или на массаж, – быстренько кабинет на ключ. Томку, компаньонку мою, – за главную, и вперёд с музыкой.

– Так ты всё же работаешь? – иронично усмехнулась Татьяна.

– Так я ж говорю тебе, как белка в колесе, фирма у меня своя по продаже уличных и комнатных растений, муж подарил как бывшему биологу. Ох, мне этот подарочек – одни убытки, кручусь, кручусь, а толку-то! Работники все –

бездельники да воры, никакие штрафы не спасают, текучка ужасная. Менеджмент – тупой и ленивый. Клиент вялый и жадный, подавай ему подешевле да получше. В общем, одни убытки, скажу тебе, денег совсем нет. Хочу поменять бизнес. Этот продам и открою туристическую контору, хоть по заграницам помотаюсь. А то выезжаешь раза два-три в год на пару дней. Да и что это за поездки, одна нервотрёпка. Была недавно в Милане на распродаже, всю неделю пробегала по бутикам как ненормальная. Двадцать тысяч евро потратила, а что купила? Хотя там, конечно, намного дешевле, чем у нас, у нас вообще дерут бессовестно. Слушай, Танюха, надо бы и тебя в Милан свозить, приодеть, а то выглядишь ты как-то не очень. Так как, съездим?

– Алла, мне некогда, мне работать надо, – намекнула Татьяна бывшей подруге на окончание разговора.

– Опять ты про работу, ну скучно же, ей-богу. Будто и поговорить нам больше не о чем, – не поняла её Сорокина. – Я вот тут дома ремонтом занимаюсь, затеяла стены лепные, денег уйма ушла, будем как во дворце, закончим – покажу. Понравится – и тебе мастера присоветую.

– Ал, мне не до мастера, – Татьяна принялась демонстративно перекладывать колбасу

на прилавке с места на место, – мне деньги зарабатывать надо.

– Ох уж эти деньги, – сразу погрузилась Алка, – вечно их не хватает. Не знаю, что и делать, еле концы с концами свожу, боюсь, и до дому не доберусь, на бензин не хватает.

Татьяна тяжело посмотрела на Сорокину, потом выдвинула ящик кассового аппарата, достала из него пятьсот рублей и положила перед Алкой.

– На.

– Это что? – недоумённо заморгала ресницами толстуха.

– Деньги на бензин.

– Да ты что, Танюха, ты серьёзно? – слегка побледнела Алка.

– Серьёзней не бывает, – повернулась к ней боком Татьяна. – Сирым и убогим надо подавать.

Бледность Алки тут же превратилась в пунцовость, и она, подхватив свои пакеты с покупками, молча поспешила от прилавка.

– Ну ты, Танюха, молодец, классно отбрила эту дамочку! – восхищённо одобрили Татьяну торговки.

Татьяна выслушала похвалы, взяла стул, поставила его к стене, села и горько зарыдала, впервые за многие годы.

Светлана СУПРУНОВА

Родилась в 1960 году в г. Львове.

Окончила ленинградское медицинское училище, Калининградский государственный университет и Литературный институт им. А. М. Горького. Работала медсестрой в Афганистане, проходила воинскую службу в Таджикистане, затем девять лет работала старшим литературным редактором в издательстве «Янтарный сказ» (г. Калининград), сейчас возглавляет редакцию научного журнала Калининградского государственного технического университета. Член Союза писателей России, автор пяти поэтических сборников.

Лишь те слова, которые нужны

ПОЭЗИЯ

Забывать слова на месяцы, на годы,
Отшевелив губами, замолчать,
Остаться дома из-за непогоды
И не суметь ненастье обругать.

Смотреть в окошко на кресты и флаги,
Копить печали, словно вызревать,
Водить пером впустую по бумаге
И вспоминать слова, и вспоминать.

Отгоревать, отплакать, отсмеяться.
Но вырвутся из снежной целины
На белый свет – как заново родятся –
Лишь те слова, которые нужны, –

Невычурные, самые простые,
И вспыхнет свет божественный в ночи,
И сбудется – заговорят немые.
Утихни, каждый, слушай и молчи!

Старушка грядки прибирает
И в церковь носит все грехи.
Как хорошо: она не знает
О том, что я пишу стихи.

Что страшно мне одной в квартире,
Что, света лунного боясь,
Порой не сплю и в этом мире
Не очень как-то прижилась.

Я для старушки лишь соседка,
Идёт она, душой светла,
Бывало, скажет: «Тётка Светка,
Тебе гостинцев принесла».

Придёт ко мне пустая редко,
То яблок даст, то огурцов.
Её простое «тётка Светка»
Дороже мне моих стихов.

Ей не до злых, не до богатых,
Чего за них переживать?
Без этих пальцев узловатых
И строчки мне не написать.

ПОСЛЕДНИЙ ЖИТЕЛЬ

В деревне единственный житель,
Ни шума, ни звона окрест,
Отшельник, а может, смотритель
Суровых запущенных мест.

Весной огородик вскопает,
Не страшно средь леса вдовцу,
И зайцы, и лисы, бывает,
Без страха подходят к крыльцу.

Залает приبلудная шавка,
Не сыщешь печальней земли –
Не ходит сюда автолавка,
Дороги травой заросли.

Холодные ветры всё древней,
На карте участок пустой,
Как будто с ушедшей древней
Всё меньше России самой.

А он как оставлен на страже,
Сидит у могилы мертво
И как-то не думает даже,
А кто похоронит его?

БУДЕМ ВРАТЬ

Так живём, и враки не мешают,
Лесть везде, картина такова,
Что свободно по миру гуляют
Липовые справки и слова.

Врём кому-то, чтоб привлечь внимание,
И, увы, несправедным путём
Получаем от других признание.
Мы признание, в общем-то, крадём.

По привычке, что ли, гнётся шея,
Нелегко, но нужно подыграть,
В кабинете чьём-то, не краснея,
За рубли в конверте будем врать.

За значки, за грамоты на стенах,
Чтоб на лире далее бряцать,
И душа, погрязшая в изменах,
Потихоньку станет погибать.

Будем врать за премии большие,
Перед властной кликой мельтеша.
Мы-то настоящие – какие?
Хоть маленько светится ль душа?

* * *

Не дай мне, Боже, видеть трон
С усевшимся на нём нахалом,
И служек, каждый с опахалом,
И всех спешащих на поклон.

И с трона милости не дай,
Подальше бы от злого глаза,
Чтоб не коснулась, как зараза,
Рука простёртая – «Лобзай!»

Пускай бы благостные сны,
Чтоб ни злодея, ни кумира,
О, дай мне, Боже, тишины,
О, дай нам всем добра и мира!

* * *

Не сбежать от непогоды
В этом городе большом.
Дождик дряблый. Пешеходы,
Каждый под своим зонтом.

Небо хмурое над ними,
Пешеходы тут и там,
Каждый с мыслями своими
По своим спешит делам.

Жёлтый лист к асфальту липнет,
Выйдет кто-то под зонтом,
И послышится, что всхлипнет
Жёлтый лист под каблуком.

Осень лада насулила,
Под дождём хожу, дышу,
Отбоялась, отспешила
И сегодня не спешу.

Будто шаг в обличье новом
Замедляю до креста.
Я всё та же, с добрым словом
И впервые без зонта.

* * *

Взяла ведро – одно, другое,
Окно помыла, пыль смела.
Стекло прозрачное такое,
Как будто вовсе нет стекла.

Светло, безветренно и словно
Меж стен привычных не окно,
Как будто живописец ровно
Своё повесил полотно.

Перед забором сухоцветы,
Соломы ворох на возу,
Висят последние ранеты,
И листья плавают в тазу.

И вот не спрятаться от шума,
Неслось, гудело за версту,
И барабанил дождь угрюмо,
Стекали капли по холсту.

Так мокро было, и уныло,
И над верхушками темно.
Картину чудную размыло –
И я увидела окно.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Тёплых слов бы, тёплых взглядов,
Но простужен этот мир.
Утепление фасадов,
Утепление квартир.

От дождя и снегопада,
Чтобы стужу побороть,
Установят всё что надо,
Обогреют нашу плоть.

Вышли мы – и не чихнули,
В суете, да всё шутя,
Там хромого подтолкнули,
Тут обидели дитя.

Всё расчётно и платёжно,
Взял бумажку – и пиши.
Это сложно, очень сложно –
Утепление души.

* * *

Возьмите за руку меня,
Ещё с водою жизни чаша.
Пускай мне будет как броня
От бед ладонь большая ваша.

Пойдём без сумок, налегке,
С ключом от дома, чтоб вернуться,
Два старика – рука в руке, –
Пусть молодые улыбнутся.

Дойдём до старого крыльца
На улице притихшей нашей,
Пускай бы только до конца
Моя ладонь всегда под вашей.

Игорь ГОЛУБЬ

Родился в Калининграде в 1984 году. Поэт, редактор и издатель всероссийского молодёжного литературного журнала «Веретено», составитель и издатель антологии молодёжной поэзии России «111».

Участник всероссийских литературных совещаний СПР в Химках (февраль 2018, 2020 гг.), межрегионального литературного съезда СПР в Воронеже (2019 г.).

Автор пяти поэтических сборников, публиковался в журналах «Подъём» и «Бельские просторы». Лауреат литературной премии «Молодой Петербург» (2018 г.).

* * *

Смотрю на город, что несётся вдаль,
Проблемы и решения – на завтра.
В пыли дорожной бьётся магистраль,
В фонтан ныряя возле драмтеатра,

Чернильная симфония грачей,
У стадиона старенькая арка,
Выпрыгивает маленький ручей
Из зелени пустого зоопарка.

Зарыться невзначай в подолы лип,
Вложив опять в минутный промежуток
И башенных часов тревожный всхлип,
И музыку мелькающих маршруток.

И только перемятая трава
Мои следы по-прежнему находит,
А я спешу куда-то, как трамвай,
Который здесь давно уже не ходит.

* * *

Я прошлым вечером скорей
Спешил попасть домой с работы,
Но на брусчатку с фонарей
Пролилось море позолоты,
Скользила по дороге тень,
Мелькали в переулках лица,
И первый раз за целый день
Я захотел остановиться.

Как много пролетело дней,
Чтоб я открыл глаза пошире, –
Ведь это золото ценней
Иных сокровищ в нашем мире.
Глотая слёзы ноября,
Шумела мокрая дорога.
Крещённый светом фонаря,
Я в первый раз увидел Бога.

* * *

Здесь рапсовое поле
Как пожелтевший шёлк,
Лет пять назад, я помню,
По этой ткани шёл,

И пел кузнечик где-то,
И ветер свежесть нёс,
И целовало лето
Меня почти взасос.

Дойти до сеновала,
Где в миллионный раз
Берёза танцевала –
Серёжки напоказ,

Найти повыше место
И просто сесть в траву,
Поняв, что наконец-то
Живу...

* * *

Из пустоты обветренного парка,
Где каждая поломанная палка
Как увяданья полноценный знак,
Летит к тропинкам скрип большого клёна,
Свет фонаря как старая икона,
Что в тишине рассеивает мрак.

А где-то там, за низкой синей аркой,
Мелькнёт машина шумной и неяркой
Иллюзией движения вперёд.
А вдалеке лишь этажи бетона,
И жаль, что запах зимнего района

С собой никто домой не заберёт.
Но, наконец открыв глаза пошире,
Устав сидеть по вечерам в квартире,
Где каждый метр способен надоесть,
Над головою видишь небо в звёздах,
Вдыхаешь полной грудью зимний воздух
И понимаешь – счастье в жизни есть!

* * *

Обыденно и неброско
Посередине двора
Лежит на земле берёзка,
Спиленная вчера.

Стояла она у дома
С забытых давно времён...
Машинам теперь удобно
Песок возить и бетон.

Мы в детстве под ней играли,
Смотрю на неё с тоской...
Здесь нет никакой морали
И злобы нет никакой,

Вот только стою, краснею,
В упор на неё гляжу...
Как будто я рядом с нею
Лежу...

* * *

В лесу, в сети знакомых троп,
Где ветка каждая упруга,
Я часто нахожу окоп,
Он тянется почти до луга...

Наступишь – и насквозь прожгло,
Как посмотрел святой с иконки...
Здесь тянутся так тяжело
Стволы берёз со дна воронки.

Берёзок непрерывен строй,
Я молча примыкаю к строю...
Спокойно спи в земле, герой,
Я сон твой не побеспокою,

Тебе деревья и цветы
Годами отдают поклоны.
А я вернусь домой – и ты
Посмотришь на меня с иконы.

* * *

Ты с детства был моей основой,
И ты со мною в жизни новой.
Кафешка на углу Сосновой
И старый дворик на Ольховой,

Вкус жёлтых яблок на Тобольской,
И Цой звучит в магнитофоне,
Идёшь ты белою полоской
Сквозь жизнь мою на сером фоне.

Я просто счастлив в этом месте,
Тропинка – линия кривая,
Но я бегу к тебе, как в детстве,
На звон весёлого трамвая,

И ждут меня в судьбе суровой,
Пускай я вечно непутёвый,
Кафешка на углу Сосновой
И старый дворик на Ольховой...

* * *

Мальчишкой лазил я в сады,
В карманах груши нёс,
Вынюхивал мои следы
Дворовый старый пёс,

И лаял он что было сил,
Как только прокрадусь,
Но я по-прежнему носил
В карманах вкусный груз.

И вот однажды в сентябре
Зашёл на полчаса,
Но было тихо во дворе –
В тот день не стало пса.

И я забыл про тот сарай,
Где много груш – почти что рай,
Но двор печально тих.
Мне кажется, собачий лай
Вкуснее делал их...

* * *

Песка после ветра намыло,
Люблю я такие места –
Ловил здесь когда-то налима
У маленького моста.

А ты это место забыла,
Таких ещё будет пятьсот...
Морозная песня залива
Ложится на рыхлый песок.

И кажется, сонное лето
Нескоро придёт и тайком,
И башня кирпичная где-то
За ветками – маяком.

И веток слепое движенье,
Как в прошлом, лелеет вода,
Но наше в воде отраженье
Такое же, как и тогда.

* * *

Меняются слепые мерки
В дождливом городе моём,
Движение узоров мелких
Улавливает водоём,

В союзе камышей и ряски
Всё делится напополам,
Плывут стремительные краски
По мутноватым зеркалам,

Весенней свежести мотивы
Не могут никогда солгать,
И глядят чуть заметно ивы
Воды пленительную гладь.

В воображении сольются
Тепло и сонная вода,
Так солнце воду пьёт из блюдца,
Но не напьётся никогда.

* * *

Преграда может быть любой,
И с этим знанием я вырос,
Но всё же в мире есть любовь,
И это самый главный вирус,

Мы просто для неё среда,
Она себя повсюду множит,
И не оставить ни следа
Она, естественно, не может.

Пусть от неё лекарства нет,
И, по ночам подушку глядя,
Я получил иммунитет,
Но потерял его не глядя...

На свете столько пандемий,
А мы на пандемии падки,
Меня повыше подними
И брось скорее на лопатки,

Ловушки для меня готовь,
Сеть, из которой я не вырвусь,
Да, в этом мире есть любовь!
И это самый главный вирус.

* * *

Я спрашиваю себя часто:
А верно ли
Быть вырванным из пространства
И времени?
Вселенная, словно квартира,
Намолена,
Но я закрываюсь от мира
На молнию.
Так перетекала в унылость
Импредия,
Но что-то внутри надломилось
И треснуло.
Уже не считаю до ста я.
По счётчику!
И жизнь всего лишь простая
Пощёчина,
Но всё же пусть даже пространство
Воинственно,
Воистину жизнь прекрасна,
Воистину!

«Жизни нашей Питательница...»

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «МЛЕКОПИТАТЕЛЬНИЦА»

«Млекопитательница» (греч. «Галактотрофуса») в иконографии – Пресвятая Богородица, кормящая грудью Младенца Иисуса. Древнейшее изображение с таким сюжетом и одновременно самое древнее известное на сегодня изображение Девы Марии – фреска в римских катакомбах Присциллы (вторая половина II века). В начале II тысячелетия там находилось семейное кладбище знатных римлян. Представительница этого рода Присцилла Глабария, тайная христианка, была казнена по приказу императора Домициана; на стенах катакомб в память о ней изобразили

Божью Матерь с Младенцем и пророком и поклонение волхвов.

Первообраз иконы Божией Матери «Млекопитательница» некогда хранился в основанном преподобным Саввой Освященным монастыре близ Иерусалима – единственной лавре на Востоке. Савва Освященный (†532), один из основателей общежительного монашества и составитель известного иерусалимского устава, перед своим исходом из временной жизни оставил удивительное завещание-пророчество. Он открыл братии, окружавшей его смертный одр, что их обитель

со временем посетит паломник царского происхождения, также по имени Савва, и ему должна быть дарована в благословение чудотворная икона «Млекопитательница». Со времени этого предсказания монастырская святыня ещё более шестисот лет находилась в Лавре св. Саввы Освященного. Слова преподобного сбылись лишь в XIII веке. Обитель посетил сербский подвижник святитель Савва, первый архиепископ Сербии, сын основателя сербской королевской династии Стефана Немани, ради монашеской жизни отказавшийся наследовать отцовский престол. Когда он молился у гроба св. Саввы Освященного, своего небесного покровителя, стоявший тут игуменский жезл преподобного неожиданно упал на пол, а икона Пресвятой Богородицы вдруг несколько раз сама собою наклонилась. Расценив это как знак исполнения древнего пророчества, монахи отдали свт. Савве Сербскому и завещанную ему «Млекопитательницу», и игуменский жезл, и другую чудотворную икону Божией Матери – «Троеручицу».

Возвращаясь из Палестины на родину, святитель Савва посетил монастырь Хиландар на Святой горе Афон, который он основал вместе со своим отцом, в монашестве Симеоном. Для монахов, желающих подвизаться в одиночестве, ими была построена отдельная от Хиландарской обители келлия в центре Афона – Карее. В храме при Карейской келлии свт. Савва Сербский поставил полученную в дар икону «Млекопитательница». В знак особого почитания чудотворная иерусалимская святыня была помещена им в иконостасе не по левую сторону от царских врат, а по правую, где обыкновенно располагается образ Спасителя.

Для устройства монашеской жизни в Карейской келлии святитель Савва написал особый устав («Типик»), ставший образцовым для сербского скитского монашества. Согласно ему, монах, подвизающийся в келлии, должен был прочитывать каждый день всю Псалтирь и принимать пищу в течение пяти дней лишь один раз в день, причём по понедельникам, средам и пятницам без растительного масла. Впоследствии церковь при Карейской келлии была названа Типикарницей, так как там хранился устав святителя Саввы, так же стали называть и икону

«Млекопитательница». Святыня и по сей день чтится в церкви Карейской келлии, принадлежащей Хиландарскому монастырю.

Дивный Промысел Божий даровал этой сербской обители на Святой горе и другую святыню, полученную святителем Саввой от иноков Великой лавры Саввы Освященного, – икону «Троеручица». Чудотворный образ был перенесён им из Иерусалима на родину. При нашествии на Сербию турок православные, желая спасти святую икону от поругания, положили «Троеручицу» на осла и пустили его на волю Божию. Животное с драгоценной поклажей без погонщика дошло до Афонской горы и остановилось перед воротами Хиландарского монастыря. С благоговением, как великий дар приняли монахи святой образ и поставили в алтаре соборного храма, где он пребывает и поныне.

Икона «Млекопитательница» редкая, мало распространена в списках. Чудесное обретение российской «Млекопитательницы» состоялось в 1650 году – её обнаружили на высоком дереве в урочище Крестогорск, в двадцати верстах от города Минска. На месте её явления был построен храм в честь Успения Пресвятой Богородицы, в котором её поместили над царскими вратами.

Чтобы верующие могли приложиться к образу, был устроен особый механизм для спуска его вниз. Известно много преданий о чудотворной силе этой иконы, она избавляла от различных бед и недугов, спасала людей во время нашествия шведов.

В XIX веке в России побывал наиболее известный список «Млекопитательницы» – чудотворный образ из русского Свято-Ильинского скита Святой горы Афон. Этой иконой настоятель скита отец Паисий в 1848 году благословил схимонаха Игнатия на сбор пожертвований в России. В Харькове Пресвятая Богородица явила первое чудо: руки столяра, без благоговения исправлявшего киот, были поражены болезнью, но после молебна перед иконой исцелены. Чудесные события сопровождали образ Матери Божией в Ельце, Задонске, Туле, Москве и других городах России. Благодарные богомольцы украсили икону серебряной позолоченной ризой и драгоценными камнями.

Во время двухмесячного пребывания образа в Москве в Богоявленском Елоховском соборе перед ним молился преуспевающий московский купец Василий Иванович Макарухин, владелец мастерской по изготовлению церковных предметов, – будущий преподобный Варсонофий Щегловский. Он решил употребить свой немалый капитал на создание в России обители в честь этой иконы. Новый Богородичный Щегловский монастырь в Туле был учреждён в 1868 году, после того как построили собор в честь иконы Пресвятой Богородицы «Млекопитательница» – единственный в России. В этой обители её основатель принял монашеский постриг и схиму с именем в честь прп. Варсонофия Великого. В год тысячелетия Крещения Руси схимонах Варсонофий (Макарухин) был прославлен в Соборе Тульских святых. После десятилетий поругания в годы советских антицерковных гонений тульский Щегловский монастырь был возвращён Церкви – в 1990 году, ровно через 100 лет после кончины её благодетеля.

Написанная для монастыря по заказу Василия Макарухина икона «Млекопитательница» в серебряной позолоченной ризе с бирюзовыми и красными украшениями была утрачена после

революции. Сейчас в возрождённой Щегловской обители особо почитаются два списка – малый образ в серебряной ризе, написанный ещё при жизни основателя для монастырского храма Никандра Псковского, и более поздняя копия иконы из Елоховского собора. При поклонении этим иконам совершаются чудеса исцелений от болезней и бесплодия, подаётся помощь при родах и вскармливании младенцев; матери молятся перед ними о здоровье своих детей, невесты – о богоданных женихах. В Щегловском монастыре ведётся летопись чудотворений.

С афонским Свято-Ильинским скитом связано и происхождение наиболее известных чудотворных списков «Млекопитательницы», находящихся в Москве и Одессе. В 1893 году настоятель скита архимандрит Гавриил, причисленный ныне к лику святых, привёз чудотворный образ Божией Матери «Млекопитательница» – одну из афонских копий византийского письма – в Одессу. Его пощением к 1896 году на Ильинском подворье был построен трёхпрестольный собор в византийском стиле с главным престолом во имя иконы «Млекопитательница» (сейчас здесь покоятся мощи преподобного Гавриила Афонского). Первоначально в нём, кроме чудотворного образа, пребывали часть древа Креста Господня и левая стопа апостола Андрея Первозванного, также привезённые прп. Гавриилом с Афона. Сейчас все эти святыни находятся в Свято-Успенском Одесском монастыре. В киоте иконы хранятся части ризы Спасителя и хитона Пресвятой Богородицы.

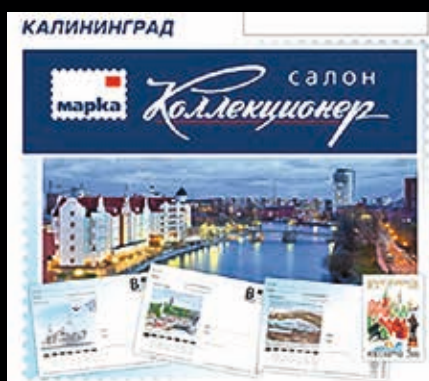
В 1894 году преподобный Гавриил Афонский преподнёс копию «Млекопитательницы» афонской работы «в дар и благословение в храм Богоявления, что на Елоховом поле», в память о двухмесячном пребывании здесь чудотворного образа из Ильинского скита; сейчас эта святыня, как и прежде, доступна для поклонения. В Москве как чудотворный читается также список «Млекопитательницы» в храме Воскресения Словущего.

Празднование в честь образа Пресвятой Богородицы «Млекопитательница» установлено в день памяти святителя Саввы Сербского, 25 (12) января.

Татьяна НИКИТИНА

Гербы Калининграда и Калининградской области
Дата выпуска 10.07.2017 Тираж 35000 экз.

Боцман Орляшин как будто ожидал мой вопрос. А впрочем, когда человек знает своё дело на все сто процентов, ему не надо много времени на обдумывание ответа. Боцман двадцать пять лет на флоте, а когда-то был плотником на стройучастке пароходства.

– Яковлевич, из какого дерева пианино сработано?

– Дуб морёный, – снисходительно объяснил Орляшин. – Мне любое дерево покажи, во всякой поделке – определю с ходу.

Вообще-то, с точки зрения снабженцев, иметь на небольшом судне, с экипажем в восемнадцать душ, пианино – это роскошь. Да ещё такое пианино, как это. Если бы не случай, конечно, и мечтать о таком инструменте никто бы не решился. А случай такой вышел. Пришли как-то в Швецию с углём кузнецким, стали рядом с мурманским паровиком «Сухуми». Старпом сразу двинул к соседям разжиться чем-нибудь из судового такелажа. Через пять минут прибегает: «Пошли, мужи-

ки, пианино приволокём и другую всякую мелочь...»

Оказывается, мурманчанину предстояло выйти в свой последний рейс. Продали его в Англию на иголки. Теперь с него можно было забирать всё подряд – покупателю только корпус нужен. Механикам достались клапаны да прокладки, боцману – краска, радисту – конденсаторы и предохранители. И ещё оставалось пианино. Никто на старом паровике не мог сказать, откуда оно взялось на борту судна, отбороздившего по морям и океанам за свою долгую жизнь не одну кругосветку,

Солидный инструмент. Таких сейчас, наверное, не делают. С клеймом старого берлинского мастера, основавшего дело в 1853 году. На внутренней стенке корпуса имя мастера было запечатлено строгим готическим шрифтом. Там же сохранились отпечатки с тех четырнадцати медалей, которые, видимо, присуждались ему за сработанные инструменты. Когда пианино с большим трудом доставили на наш

«Анчар», старпом долго жалел, что не забрали с паровика новые одеяла и подушки. С пианино, мол, бес попутал, а и без него бы прожили. Но позднее любил рассказывать, что именно он добыл такой шикарный инструмент.

Каждый раз по выходе в рейс из-за пианино начинали ворчать таможенники, что антикварную вещь держать на судне заграничного плавания не положено. Где этот антиквариат отразить, в какой декларации, они и сами не знали. Дело всякий раз кончалось тем, что нас предупреждали самым строгим образом и всё-таки ставили на генеральной декларации затейливую печать размером с пятнадцатикопеечную монету.

Отлично вписалось пианино в обстановку салона команды, отделанного под тёмное дерево. Убери теперь инструмент, и станет помещение неуютным, временным. Ни два телевизора, ни большая магнитола не заменят здесь пианино с тяжёлой крышкой, с медными замочками, с латунными винтами. Никакая полированная фанера не идёт в сравнение с его массивными боками из морёного дуба.

Ветераны судна, казалось, хранили в душе некий трепет перед этим благородным инструментом, испытывали уважение к рукам мастера, который создал такую вещь. Из новичков, приходивших в экипаж, ни один не мог удержаться от соблазна прикоснуться к гладкой поверхности пианино, замороженный тусклым блеском полированного дуба. Неуверенная рука сама тянулась к белым клавишам, которые мягко утопали, приводя в движение деревянные молоточки с прокладкой из плотного войлока. Удар молоточков по двойным струнам вызывал в недрах инструмента тот благородный и глубокий звук, которого не дано электромузыкальной аппаратуре с кубами акустических колонок и жилами разноцветных проводов. Казалось, звук возвращался из-под днища судна, из морской глубины.

Иногда становилось жаль этот прекрасный инструмент, сделанный из дерева знатной породы, могучее дыхание которого могло рождать любую музыку, издавать всю гамму звуков, доступных нашему слуху. Трудно было опре-

Юрий КРУПЕНИЧ
(Георгий Набатов)

Родился в городе Калининграде. Окончил Калининградское мореходное училище, Калининградский государственный университет.

Ходил в море на рыболовных, научно-поисковых и торговых судах, работал в местных и областных органах власти.

Член Союза писателей России с 1994 года. Автор шести книг прозы и стихов.

делить, когда к этим клавишам в последний раз прикасались пальцы настоящего пианиста. Бывало, кто-нибудь из экипажа подходил к пианино и, открыв крышку, одним пальцем проводил по клавиатуре. Чья-то рука даже вывела шариковой авторучкой на средних семи клавишах азбучные «до, ре, ми, фа, соль, ля, си».

Наверное, для такого инструмента нет более трагической участи, чем молчать день, два, месяцы, годы... Ведь в нём до сих пор столько внутренней силы, в его недрах столько возможностей для полнокровного звучания. Многим из нас было обидно, что никто из экипажа не получил хорошего музыкального образования, умения обращаться с клавиатурой. Казалось бы, это так просто: только дави на клавиши и

собирай звуки в мелодию. Но, к сожалению, для всех нас такие движения оказывались незнакомыми и сложными, рука непроизвольно слабела, касалась клавиш так, словно нажимала кнопку звонка или торшера.

Каждый вечер я подходил к инструменту, открывал крышку... Само собой возникало желание кинуться в магазин, приобрести самоучитель игры на пианино, чтобы проникнуть в тайну удивительного единства старого дерева и медной проволоки. Я завидовал тем, кого в детстве заталкивали в мир музыки независимо от их желания и способностей: нанимали репетиторов, мучили зубрёжкой сольфеджио и прочих основ музыкальной грамоты. Пробовали сделать это и мои родители, но я сумел увернуться от занятий, не освоив даже самых азов.

Мне казалось, что не я один жалел о своей музыкальной беспомощности. Наверняка и многоопытный боцман Орляшин, с закрытыми глазами умевший определить породу дерева, тоже хотел бы уметь играть на пианино. Приходил в салон команды в то время, когда там никого не было, и электромеханик Вальткус, чтобы украдкой извлечь из инструмента десяток звуков. Он даже мог наиграть что-то вроде «собачьего вальса».

Иногда садился за пианино и капитан Прибоев. Он владел деловым английским, рано полысел от нервных стрессов, но сохранил добродушный характер. У него имелись кое-какие навыки обращения с пианино. Он садился и тихонько наигрывал, читая стихи Бёрнса: «А грудь её была бела, казалось, ранняя зима своим дыханьем намела два этих маленьких холма...»

Бывали на судне особенные минуты, когда из салона все разойдутся по своим каютам. В коридорах тихо и пусто, редко кто проскочит на вахту в рубку или в машинное отделение. В такие минуты зайдёшь в салон, прикроешь дверь и остаёшься один на один со старым пианино. Вчитаешься ещё раз в надписи на нём, вслушаешься в звучание струны, погладишь полировку, не потускневшую от времени. Или просто положишь руки на крышку пианино, на них – голову и слушаешь, закрыв глаза, как где-то в глубинах инструмента слегка вибрируют

от натяжения и от качки судна двойные медные струны. Даже молчащий инструмент приобщает тебя к своему миру...

Я коснулся усталой головой прохладной крышки инструмента и вдруг ощутил прилив необычного вдохновения. В руках явилась недомая раньше уверенность и лёгкость. Я поднял крышку. Клавиши от моего прикосновения не ушли в предательскую пустоту. Стоило только пройти пальцами по клавиатуре, и ты без труда ориентируешься в её белых просветах. Полированное чудо понимающе и чутко отзывалось моим рукам. Я заиграл в полную силу, словно играл так всегда, будто просто у меня когда-то отняли на время это умение и теперь вернули его.

Я сразу определил, что именно играю. Да, это был Иоганн Себастьян Бах. Его «Токката и фуга», которые давно витали в моём уме и сердце, ждали возможности вырваться на свободу, поплыть над морем. Эта вещь всегда влекла меня, когда я её слышал, всякий раз заполняя мою душу волнением и ожиданием. Может, она не вполне была пригодна для исполнения на пианино, требовала нотных высот и низов органа, но я умудрился найти скрытые возможности звучания этого старого инструмента, а они у него имелись.

Судно в это время шло Кильским каналом. Вечерело. Сумерки медленно погружали берега канала в свои глубины. Мимо проплывали, словно из книжки с волшебными сказками, маленькие городки с острыми красными трапедиями крыш. Казалось, канал в этом месте обладал особыми акустическими свойствами. Звуки много раз отражались от кирпичных стен домов. Эхо возвращалось от могучих опор старого арочного моста. Звуки отбегали от берегов, выложенных крупным булыжником. Ровная гладь канала в вечерней дымке напоминала широкий городской проспект, по обеим сторонам которого стояли через каждые пятьсот метров декоративные фонари с лампами, дававшими мягкий свет. По фарватеру параллельными курсами шли японские сухогрузы, баржи под нидерландским флагом, пассажирские лайнеры трансатлантических линий.

И над всем этим неторопливым движением стальных громад плыла музыка Баха. Многократно усиленная природным эхом, она заставила умолкнуть мощные стереоколонки музыкального центра на встречном «шведе» с тремя пассажирскими палубами, ярко иллюминированными в этот вечерний час. Там стали слушать мою музыку. Захлопали ставни окон близлежащих домиков – их обитатели тоже хотели снова и снова слушать знакомую величественную музыку,

Мне казалось, что я не играл, а только помогал чувствительным клавишам старого пианино, и оно само давало волю всем своим затаённым возможностям. Наверное, там, внутри инструмента, рвались тонкие паутинки, которые оплели струны, заполнили промежутки среди белых пластинок клавиш, заштриховали готические надписи на внутренних стенках корпуса. Звучала вечная музыка. Она была о бесконечности жизни на земле, о многих тайнах моря, о всепоглощающей любви человека ко всему сущему в мире, о тёмных силах рядом с этой любовью. Аккуратной, словно игрушечной, казалась издали ракетная база, воздвигнутая на правом берегу канала. Из-за холма зловеще торчали тупые головки боевых ракет, отчётливо видные в полусфере вечернего, ещё светлого неба.

Столпились на палубе полупогруженной чужой субмарины подводники в зелёных комбинезонах. Музыка привлекла внимание матросов, они слушали её внимательно, в удивлённом молчании. Там, на глубине, они, наверное, вспомнят эти звуки и подумают о тех, кто наверху, о домах, которые словно игрушечные, о небе акварельных тонов, о жёнах и детях. А звуки плыли и плыли мимо домов, мимо кораблей. Они вернулись туда, где прозвучали когда-то впервые, где их вызвали из небытия великие руки композитора, желавшего вечного мира этой земле...

...Когда я открыл глаза, в салоне команды стемнело, и было по-прежнему пусто. В просвет иллюминатора в самом деле виднелись немецкие домики с ухоженными палисадниками и горшочками красных цветов на подоконниках. На черепице крыш угасал отсвет закатного солнца. Наверху по дуге длинного моста проносились машины, а мост спокойно держал на плечах всю эту карусель.

Невдалеке, за огромным холмом, прятались в шахтах сигарообразные тела ракет. О них рассказывал утром боцман, который все восемь часов прохождения по Килью стоит на посту у шпиль на полубаке, чтобы успеть отдать якорь в случае внезапной опасности. Он знает на канале все знаки и отметки, которые предупреждают, информируют, советуют. Ракеты за холмом нацелены каждая в свою точку, каждая может обрушить несколько мостов, сжечь тысячи домов, таких же как эти, по обоим берегам канала.

Музыка, которая ещё звучала в моих ушах, словно вобрала в себя и тишину близ домиков, и незащищённость вечернего неба, и тёмную тревогу воды у берега. Будто скрываясь от этой неслышной музыки, по направлению к Балтийскому морю уходила чужая субмарина. Она шла в надводном положении, и по её округлой чёрной палубе перекачивалась вода, пенясь вокруг ног подводников в комбинезонах цвета лягушачьей кожи. Они выбрались наверх, чтобы подышать морским ветром напоследок перед сигналом к погружению.

...Молчало старое пианино, словно и в самом деле отдыхая после большой работы. В его тёмной полировке отражались пятнами жёлтые береговые фонари. Ночь напознала на берега, удлиняя на воде дорожки от газовых ламп. То и дело в этих полосках света появлялись чёрные как смоль утки-лысухи. Их белые широкие носы мелькали у борта, то утопая, то выныривая, как клавиши пианино, на котором играют что-то духовное...

Анатолий ГРИЦУК

Выпускник Литературного института имени А.М. Горького. Член Союза писателей России, действительный член Международной академии русской словесности, председатель Общественной писательской организации «Росток» г. Советска.

От светлой грусти набежит слеза.
Листает память прошлых дел страницы.
Морское братство позабыть нельзя –
О многом память рассказать стремится.

Не отпускает море от себя...
Хоть понимаешь: возраст пенсионный.
Ведь осень жизни и года трубят
О том, что ты по силушкам не оный.

Когда ни африканская жара,
Ни холода, что север отличают,
Ни жуткие свирепые ветра
Твоей мечте сбываться не мешают...

Да что мечта! Полёт её лучист,
Чтоб продолжать рыбацких будней дело.
Пусть остаётся каждый сердцем чист,
И жить по-настоящему хотелось.

Усвоилось в морских трудах одно:
Пусть трудно, пусть рискованно, но надо –
Подвахты, вахты, и не всё равно
Быть рыбаками из Калининграда.

Не отпускает море от себя

1.

Вихрами волн пространство теребя,
Целуя нас в обветренные лица,
Не отпускает море от себя:
Штормит. Бунтует. Беспокоясь, злится.

Способностью в глубинах светлых душ
Незримо, но надёжно поселиться
Затянет море. Ты совсем не джуж
Сопротивляться, чтобы породниться.

И вот вы с ним единою судьбой
Повязаны, повенчаны сторицей.
Как метроном, воинствует прибой,
Чтоб дольше и настойчивее сниться.

2.

Не отпускает море от себя:
Твердит о том, что бывших не бывает.
И образ твой, всей широтой любя,
В морскую даль без края приглашает.

Глядишь туда, где многие года
Не всем с судьбой поладить удавалось:
Их поглотила вольная вода –
Когда беда, играя, издевалась.

Глядишь ты вдаль на царство, где Нептун
Владелец и единственный правитель.
В морских пучинах – стар ты или юн –
Все те, с чьей жизнью оборвались нити.

Не отпускает море от себя:
За сорок кораблей в глубинах скрыты.
Порою, по-змеиному шипя,
Вещает о трагедиях забытых.

Не отпускает море от себя
И ласково песок прибрежный лижет.
На горизонте, облака клубя,
Садится солнце ниже, ниже, ниже...

Глядишь ты вдаль. Писатель и моряк.
Душа болит. И мысли беспокоят.
Почти мечта – судьбы рыбацкой знак,
Который многих пожеланий стоит.

Всем рыбакам, что не пришли с морей,
Ни памятной доски, ни обелиска
Нет в городе рыбацких кораблей –
Калининград сердцам рыбацким близкий.

Ходить в моря – пахать сетями дно –
Вести добычу – промысел настроить –
Быть месяцами без земли – дано
Всем тем, кто не считал себя героем.

Ведь только их старанья и труды
После войны от голода спасали...
Ты вдаль глядишь... жизнь вспоминаешь ты...
Как всё же резво годы пробежали!

Добиться бы – как важно понимать
«Верхам» о том, что славу мореходов
Потомкам нашим нам передавать.
Должны успеть. Какие наши годы.

И верится, что памятнику быть.
Душевное тепло не растеряем –
Нам это море всей душой любить,
Оно ведь от себя не отпускает.

3.

Не отпускает море от себя...
Припомнилась рыбацкая наука,
За рейсом рейс события дробя.
Есть дочь и сын, и подрастают внуки.

У них своё: другие времена
И ближе им компьютерные толки.
Дымится даль... и плещется волна...
И будем жить! До крайней остановки.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

1.

Там, в городе Неман-Рагните,
Но в послевоенном году,
Где жили мои родители,
Их дом я уже не найду.

По прусским дорогам с боями
Прошёл мой отец на войне.
Однажды поведала мама
О жизни в Принеманье мне:

«Чужбина там сыростью дышит
Здоровью людей вопреки.
Был дом с черепичною крышей,
Высокие в нём потолки.

Была у тебя там сестрёнка,
Рождённая в городе том.
Да, смерть углядела ребёнка,
Хотя неприметен был дом.

Был лютым и холод, и голод –
Бездетною стала семья».
Всё кажется: слышу я голос –
То плачет сестрёнка моя.

Родителям там не прижиться –
Душевную боль не унять.
Сестричка, сестрёнка, сестрица...
Судьбе не дано нам пенять.

2.

Давно я живу в этом крае,
Виски по-февральски снежит.
А в Немане – места не знаю –
Сестра на погосте лежит.

ФРОНТОВИКИ-КАЛЕКИ**1.**

Он – фронтовик-калека,
Уже не встанет в строй.
Он – победитель! Века
Двадцатого герой.

В зловещей круговерти
Он всё же выжить смог,
В глаза глядевший смерти,
Оставшийся без ног.

Атака. В бой, пехота!
Из глоток вдаль – «Ура!».
Кровавая работа
Войны как мир стара.

Река от взрывов тает,
Летит свинец и лёд.
За Родину, за Сталина!
Вперёд, вперёд, вперёд!

Бессонными ночами
Послышатся шаги...
«Как больно нам», – кричали
Его же две ноги.

Бегут, бегут в атаку,
Которой нет конца.
Давно нет слёз поплакать
У бывшего бойца.

И прошлое вцепилось
Так прочно – не избыть.
Но как – скажи на милость –
Ему его забыть.

2.

Магазин. Киоск. Столовая.
Инвалиды. Медяки.
Из сочувствия к здоровью
Люди на руку легки:

Для безногого не жалко
Трудовых своих грошей.
Лето – душит. Очень жарко.
– Эй, браток, воды налей!

Пахнет вкусно в час обеда
Из столовой городской.
...Он – без ног. Зато победой
Он увенчан. Он – герой!

3.

На задворках общежития,
Где высокая трава,
Инвалиды-полужители –
Фронтальная голь-братва.

Коль без ног – приспособление,
Чтоб хоть как-то ездить смог.
И другое снаряжение
Вместо рук и вместо ног.

На закате собираются
Попрошайные гроши:
На спиртное обменяются,
Отравляя боль души.

Из еды отломок хлеба
С кабачковой икрой.
«Беломор» и дым до неба
Вместе с матом над травой.

Вспомнят вшей и грязь окопов,
Боевых своих друзей.
За победой шли в Европу
Через боль госпиталей.

Им теперь чего бояться?
Всё отдали, что смогли.
Костылями станут драться
На клочке своей земли.

Слово за слово... обиды
Сдавят горло – не вздохнуть...
...Драки те я в детстве видел
И не смог перечеркнуть...

Людмила ЭЙЗА

Член СПР, заместитель председателя Общественной писательской организации «Росток» г. Советска. Издала пять поэтических книг. По образованию – медицинская сестра.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Диптих

1

Ожившей памятью текла
Река людская.
Поток душевного тепла –
Не видно края.
Портрет к портрету – каждый нёс
Родных и близких.
И каждый будто в землю врос
У обелиска.
Шары как души над полком,
Где память в лицах.
И в единении таком
Победе длиться.

2

Победно марши отгремят,
В полку Бессмертном лица, лица...
Он многочисленный в столице,
Но в сёлах тоже память чтят.
И пусть не строй – две, три семьи
Идут селом к могиле братской,
Но в этом вся Россия, братцы:
В ней нет чужих – одни свои!

СТАРЫЙ АЛЬБОМ

Лейтенант с волнистым чубом,
На петлицах – кубари.
Этот снимок помнить буду –
До войны снимались люди –
Счастье, что ни говори.
Столько жизни в светлых лицах,
В форме новенькой друзья.
А беда уже стучится:
Чёрным вороном примчится
Враг на мирные поля.
Города падут в руинах...
Жертв – несчётное число –
Танки, самолёты, мины...
Чтоб фашистов видеть в спины,
Сколько лет войной сожгло.
...Вот мы четверо на снимке:
Папа, мама, я и брат...
Со щеки смахну слезинку...
Память – вовсе не поминки,
Но года стрелой летят.
Открываю реже, реже
Я заветный тот альбом.
Жизнь свои даёт надежды:
Дети, внуки ветром свежим
Заполняют отчий дом.

ПОБЕДНЫЙ МАЙ 2020 ГОДА

Вот и настал Победный май,
А мы закрыты по квартирам,
Но память трассером-пунктиром
Сшивает чувства край за край.
Штрихи размашисто-просты –
В них оживают фотоснимки.
Играет старая пластинка,
Наводит памяти мосты:
И через столько разных лет
Мне улыбаются солдаты,
Фашистам несшие расплату,
И среди них отец и дед.
В альбомах трепетно хранит
Семья любая тех героев –
Стоят они единым строем.

ПИСАТЬ Я О СОВЕТСКЕ НЕ УСТАЛА

Руками прикасаюсь к старым стенам
И перекрёстки улиц знаю все.
Мой город – это центр моей вселенной,
Он дорог и любим в своей красе.
Я вижу ленты новых тротуаров,
Строения заполняют пустыри.
В истории известен он не даром,
Его характер виден изнутри.
А жители со всех концов России
После войны приехали сюда.
Руины расчищали и сносили,
Чтоб жизнь связать с Тильзитом навсегда.
Впоследствии он назван был Советском,
В то время, и не нам теперь судить.
По-русски говорит и по-немецки
И на литовском может говорить.
Народов здесь намешено немало...
Граница вдоль по Неману-реке.
Писать я о Советске не устала,
Об этом сердцу милом уголке.

ГАСНУТ В АЛЛЕЯХ ЧУЖИЕ ШАГИ

Гаснут в аллеях чужие шаги,
В шорохе листьев теряются мысли.
Стаи над парком рисуют круги
В небе осеннем задумчиво-чистом.
Гаснут в аллеях чужие шаги...

В шорохе листьев теряются мысли,
В сердце закралась щемящая грусть.
Годы листают двузначные числа,
Только считать их уже не берусь.
В шорохе листьев теряются мысли.

Стаи над парком рисуют круги
И обнуляют мой возраст как будто.
От листопада до зимней пурги
Время включило свой счёт поминутно.
Стаи над парком рисуют круги...

В небе осеннем задумчиво-чистом
Слышен пронзительный крик журавлей,
Жизнь наполняет особенным смыслом,
К югу зовущий – туда, где теплей.
В небе осеннем задумчиво-чистом.

Гаснут в аллеях чужие шаги.
Воздух звенит тишиною осенней.
Мысли мои невесомо-легки.
В осени этой нашла я спасенье.
Гаснут в аллеях чужие шаги...

* * *

В лес, чтоб от дерева к дереву.
На луг – от цветка к цветку.
В то, что смогу – поверила –
Вброд перейти реку.

Не подменяя искренность,
Душу свою открыть.
Искрами, в небо – искрами
Звёзды в ночи творить.

Дерево, пышное дерево
Зашелестит листвою,
Птицы споют под стерео,
И зашумит прибор...

Чтоб звездопады в августе,
Чтобы под летний дождь...
Радости, дайте радости,
Чувствам верните дрожь...

Что в голове намешано?
Образы – по судьбе.
Женщина, взрослая женщина
Видит ребёнка в себе.

* * *

Зеленоградский променад
Вальяжно лёг вдоль побережья.
И обдувает ветер свежий
Тех, кто сюда приехать рад.
Идём на пирс. Крутой волной
Играет Балтика небрежно.
Мы счастливы с тобой, как прежде,
Под шум прибоя, ветра вой.
Брызг мириады нам в лицо.
От платья парусность такая,
Что сердце в страхе замирает,
Но рядом муж – он молодцом –
В моря ходил, бывал в штормах...
Страницы памяти листая,
Он говорит мне: «Дорогая!
Не тот масштаб, не тот размах,
Но лучше б нам на променад,
Там безопасней, это точно,
Не так буянит ветер склочный,
Смотри, и шторм идёт на спад».
Свернём к Мицкевичу, и в парк –
Дорожек новых видим строчки.
Вернёмся, посетим источник,
Как будто взяли новый старт.
Зеленоградский променад
Вальяжно лёг вдоль побережья.
И обдувает ветер свежий
Тех, кто сюда приехать рад...

Я ЛЮБЛЮ ПРИЕЗЖАТЬ В СВЕТЛОГОРСК

Я люблю приезжать в Светлогорск.
Так приятно пройтись променадом.
Ветер с морем старается сладить.
Здесь есть шарм, современности лоск.
Домик Гофмана – острым углом,
И Царевна-лягушка из бронзы.
В сердце каждом отыщется отзыв,
Кто сюда «Янтарь-холлом» влеком.
По холмам узких улочек бег,
Стройность сосен меж зданий красивых.
Я себя ощущаю счастливой,
Как приезжий любой человек.
Вот опять я спускаюсь к волнам,
И они мне расскажут о многом,
Растекаясь на пляже пологом, –
Разговор тот понятен лишь нам.
В Светлогорск приезжать я люблю
И в сезон, и в погоду любую.
Я картинами моря любуюсь –
Так врачую здесь душу свою.

* * *

До листопада времени чуть-чуть...
Остаток лета скомкан холодами.
И что-то происходит между нами,
Что не даёт забыться и уснуть.

Хоть вещей снов не видится давно,
Всё спрессовалось – будней безысходность,
Но от заката я стремлюсь к восходу,
И Млечный Путь со мною заодно.

И заодно со мною лунный свет,
Что серебром тропинку выстилает.
Ты скажешь, что такого не бывает,
И я отвечу: «Да, конечно, нет».

До листопада времени чуть-чуть,
Но разве пожалею мы об этом?
Ведь осень – это время для поэтов,
Ведь осень – это в зиму долгий путь...

СИРЕНЕВЫЙ МАЙ

Прошло много лет, даже десятилетий, но детские воспоминания о слепом учителе пения всё чаще тревожат мою душу.

Первого сентября классная руководительница сообщила нам:

– Ребята, в этом году у вас будет новый учитель пения. Зовут его Андрей Алексеевич Павлюков. Он воевал, танкист, горел в танке. Потерял зрение. Прошу вас, будьте внимательны к нему, ведите себя достойно.

И вот по расписанию урок музыки. Мы расселись в кабинете. У доски стоял стул, на нём лежал баян. Директор школы завела под руку мужчину в чёрных очках с белой тросточкой.

Мы замерли. Глазами пожирали учителя. В наших маленьких головах не укладывалось, как слепой человек будет преподавать музыку, вести классный журнал, ставить оценки. Как он справится с нами, сорванцами? Как узнает, кто поёт: Петров или Сидоров? Кто вышел к доске? Тишина стояла такая, что жужжащая муха на стекле, казалось, билась в барабан, а не в окно.

Учитель вызывал учеников к доске, знакомился. Просил спеть или повторить несколько нот. Потом что-то прокалывал на твёрдом листе небольшим шильцем. Он вёл себя так, как будто всё видит, что происходит в классе и кто перед ним стоит.

Мой сосед по парте что-то бубнил себе под нос, но я не слушал его. Всё моё внимание было приковано к учителю. Дошла очередь и до меня. После прослушивания Андрей Алексеевич сказал, что мне нужно обязательно петь в школьном хоре. За чёрными очками не было видно его глаз, но при малейшем шорохе или шёпоте в классе казалось, что он смотрит именно на нарушителя дисциплины. Я был напряжён. Моё сердце билось так громко, что, думаю, его слышал даже учитель. Он взял меня за руку и вдруг неожиданно спросил:

– Серёжа, ты сидишь в правом ряду за последней партой?

– Да!

– А рядом с тобой сидит... – Учитель снял очки и посмотрел закрытыми глазами на мою парту.

Весь класс повернулся и уставился на новенького ученика-второгодника. Уши и лицо его побагровели. Он встал и неуверенным голосом ответил:

– Я Петя Петухов.

– Вот и познакомились, говорун! Начинаешь учебный год с замечаний. Учителя всё видят, всё слышат и любят всех вас. Петя, полюби и ты себя – и будешь хорошо учиться. Полюби своих сверстников, друзей, родителей, и ты станешь уважаемым и счастливым человеком.

Эти слова учителя-фронтовика, обращённые к Петьке, врезались мне в память на всю жизнь. А с учеником Петуховым стали происходить удивительные метаморфозы. Он стал не только хорошистом, но и старостой класса. А ещё – и моим другом.

Хотелось побольше узнать об учителе пения. И только в конце учебного года мне удалось поговорить с ним. Школа готовилась к проведению военно-спортивной игры «Зарница», и наш класс вместо урока пения привлекли к трудотерапии.

– Кто желает сопровождать Андрея Алексеевича? – спросила классная.

Я поднял сразу две руки. Петька тоже поднял руку.

– Хорошо. Вы, – обратилась к нам классный руководитель, – вместе с учителем спускаетесь во двор. А остальные – на стадион расставлять флажки.

Мы сели на лавку болельщиков, учитель – в середине. Петька вертелся, подавал мне какие-то знаки.

– Побегайте, ребята. Я вас позову, если понадобится, – сказал Андрей Алексеевич.

Он достал часы, щёлкнул ими.

– Петька, хочешь – беги. Я тут побуду, – зашептал я. Друг умчался к одноклассникам. – Андрей Алексеевич, давно хочу вас спросить, но...

– Не стесняйся, спрашивай! – учитель взъерошил мои непокорные вихры. Его обожжённое, покрытое рубцами лицо засияло открытой мальчишеской улыбкой. Чёрные стёкла очков показали мне добрыми карими глазами. Я почувствовал, как невидимая нить объединила нас, двух мужчин, один из которых – учитель, ветеран, не раз смотревший в лицо смерти, другой – дворовый мальчишка, который только начал постигать этот мир.

– Нам кажется, что вы всё видите, а слепым притворяетесь. Например, на прошлой неделе, помните? Петька хотел сбежать с урока. Петухов специально оставил дверь в класс приоткрытой, чтобы она не скрипнула. В середине урока он на цыпочках крался к двери. А вы были заняты прокалыванием своего таинственного журнала. Он уже выставил за дверь свой портфель, ещё мгновение... он – в коридоре. И вдруг: «Петухов, закрой дверь и сядь на место!» Ваш голос обрушился на нас, как снег на голову. Петька закрыл дверь и по-пластунски приполз к парте. А портфель так и остался в коридоре.

Учитель улыбнулся:

– Серёжа, никому не рассказывай, пусть это будет наш секрет. Я действительно ничего не вижу. Но могу сказать, что человек, лишённый зрения, лучше слышит окружающий мир и улавливает даже еле заметное дуновение ветерка. Поэтому твоего друга Петьку я вычислил сразу, как только он перекрыл свежий воздух, поступающий из коридора.

– А время, время как вы видите на часах? – не унимался я.

– Это совсем просто! У меня особенные часы, сделанные на заказ. – Учитель вытянул руку, на запястье показался большой циферблат. Провёл по стеклу, нажал сбоку, и на моих глазах откинулась крышечка-стекло. Он положил указательный палец на оголённые стрелки и определил время с точностью до минуты. – Вот, Серёжа, никакого фокуса. Всё просто!

Любопытство было сильнее приличия:

– Как оценки нам ставите, как вы пишете? Не могу понять!

– А вот этой науке, брат Серёжка, я учился не один год! До войны я начал учиться в институте,

Сергей ГОШЕВ

Член Союза писателей России, занимается патриотическим и духовно-нравственным воспитанием молодёжи, выступает в школах и библиотеках от Калининграда до Камчатки. По его словам, благодарность читателей и слушателей вдохновляют его трудиться с ещё большей отдачей, а новый материал для будущих очерков и рассказов диктует сама жизнь.

хотелось окончить его, потеряв зрение, лишился этой мечты. Но однажды сказал я себе: «Нет! Не для того я воевал четыре года в танке, чтобы, как слепой крот, безмолвно рыть землю и ждать своего конца. Я ведь человек!» – Казалось, что учитель смотрит прямо на меня. – Узнал, где и как можно научиться читать и писать, используя рельефно-точечную систему Луи Брайля. Луи Брайль – француз, ему было всего пятнадцать лет, когда потерял зрение. Он разработал специальный шифр, где для изображения букв используются шесть точек. Представляешь, шесть точек! Это и буквы, и цифры, и ноты, и знаки препинания! Продавливаю шильцем бумагу – пишу – и оставляю на ней бугорки. «Писать» приходится с обратной стороны листа. Текст пишется справа налево, затем страница переворачивается, и текст читается слева направо! – Андрей Алексеевич опять взъерошил мои вихры. Засмеялся. – Удовлетворил твоё любопытство?

– Вот здорово! А вы институт окончили?

– Институт окончил.

Меня понесло:

– А про вас в школе говорят, что ваш танк горел, вы ослепли и надели чёрные очки. После госпиталя снова фрицев бить пошли, так они вас боялись, потому что вы в очках видеть стали ещё лучше! Это правда?

Мой вопрос до слёз рассмешил учителя. Он снял очки, вытер платком промокшие глазные рубцы, потом ответил:

– Да нет, конечно! – Немного помолчав, улыбнулся, вздохнул глубоко и заговорил: – Горел наш танк не раз. А при штурме Берлина активизировались панцерфаустники. Они стреляли по нашим танкам из своих одноразовых гранатомётов из окон, из подвалов, с крыш, из-за угла. Но мы продвигались вперёд. Братья-пехотинцы и мы уже видели впереди Рейхстаг. Хотелось МИРА, ПОБЕДЫ, скорее УВИДЕТЬ родных. Только темнота удержала нас от наступления. На ночь устроились в брошенной квартире, танк – во дворе. Сели за стол, зажгли свечу и стали есть. Вдруг кто-то чихнул в шифоньере. Схватились за оружие, приготовились к стрельбе. «Хенде хох! Руки вверх!» – крикнул я и шумно передёрнул затвор автомата. Дверь шкафа медленно открылась, и мы увидели в тусклом пламени свечи глаза ребёнка. Это был мальчик лет десяти-одиннадцати, почти как ты. Чумазый, с испуганным взглядом, он вылез и поднял руки. На нём были порванная солдатская куртка и шорты. Стал что-то быстро бормотать по-немецки, поглядывая на стол. Я понял, он голоден. Усадили его рядом, дали хлеба. После каждого откусанного куска он говорил: «Гитлер капут!» – и, не разжёвывая, проглатывал. Мы смотрели на него и молчали, даже забыли про еду. Видно, в ту минуту каждый вспомнил дом, детей, братьев... Я принёс из танка свой баян, с которым не расставался все четыре года войны. За песнями, воспоминаниями и рассказами мы так и встретили рассвет. Тот далёкий, победный, мой последний рассвет сиреневого мая, который я видел своими глазами...

Всё загрохотало с ещё большей силой. Небо стало красным от битой кирпичной пыли, а воздух – вновь горьким и едким от пороховых газов. Вперёд мы продвинулись не более ста метров. Сзади в корпус танка влетел огненный заряд. Ослепительный свет жаром обдал меня. Я ослеп

и потерял сознание. Очнулся уже в госпитале. Темнота. Кто-то рядом разговаривает. Пытаюсь пошевелиться, а тело ноет и не слушается. «Андрей, очнулся?» – узнал знакомый голос своего механика танка. Я сжал его руку. «Победа! Победа, товарищ командир! – обрадовал он меня. – Германия капитулировала! Братья-пехотинцы поймали того фаустника, что наш танк спалил. Сдали его в комендатуру. Оказался тот самый пацан, что в шкафу сидел, которого мы кормили. У него там и панцерфауст был запрятан. А баян ваш в целости и сохранности доставлен в госпиталь. Только вот немного от огня верхние клавиши почернели, а так с виду всё целёхонько осталось. Не переживайте, товарищ командир». Механик растянул меха, и я услышал родной голос своего боевого друга. Мне захотелось быстрее стать в строй и ощутить под пальцами опалённые огнём войны кнопки. На поправку быстро пошёл. Скоро в палате играла музыка, собирая половину госпиталя. Я играл и думал: «Кому я нужен слепой, с изуродованной душой и телом?» Плакать хотелось. И вдруг прозрел – нужен. Родным своим нужен. Вот тебе, Серёжка, нужен. Дружку твоему Петьке нужен.

Учитель замолчал.

– А у нас вокруг школы много сирени. Сейчас так красиво цветёт, а пахнет... – не знаю, для чего я это сказал.

Прибежал Петька с веткой сирени в руках.

– Никак сиренью запахло? Только запах и помогает «увидеть» тот победный сиреневый май, – сказал Андрей Алексеевич и улыбнулся.

– Да я аккуратно веточку отломал. В классе поставим, – стал оправдываться мой дружок.

– Всё хорошо, Петя, не переживай, – успокоил его учитель.

Мы повели бывшего танкиста в школу.

Я заглянул в класс, подошёл к лежащему на стуле баяну. Осторожно провёл рукой по обгоревшим кнопкам. В дверях появилась физиономия Петьки.

– Ты что тут баян трогаешь?

– Эх, Петька! Для нас это просто баян, а для Андрея Алексеевича это настоящий боевой друг.

Сергей ГОШЕВ

Екатерина КОЖЕВНИКОВА

(Екатерина Юдина)

Родилась и живёт в городе Калининграде. Член Союза писателей России. Оканчивает магистратуру БФУ им. И. Канта по профилю «За-рубежная филология». Работает школьным библиотечником.

ПИСЬМО БРАТУ

Сожги все мои письма, Николай.
Пишу тебе я с края поля боя.
Зима прошла, кончается февраль,
Но нету друга верного с тобою.

И, видно, не сведётся нам двоим
Дождаться часа светлого свиданья.
Я в красный крашу снег, и херувим
Отсчитывает срок для расставанья.

Мой милый Коля, матери скажи,
Чтоб за меня поцеловала брата.
И чтобы свечку в церкви для души
Поставила, дабы открылись врата.

С товарищами горькую печаль
Не запивай студёным спиртом, Коля.
Я мало жил, и этого мне жаль.
Но умер я за всех на поле боя.

Марусе только говорить нельзя.
Пройдёт война, тогда ты ей поведай.
Я не хочу, чтоб хоть одна слеза
Со щёк её сползла до дня Победы.

Сожги все мои письма, Николай.
Бог милостив, я защитил любимых.
Зима прошла, кончается февраль,
И шепчут моё имя херувимы.

LA MARO

Храм La maro полон красоты.
По пятам за мной бежит прибой.
Я сегодня буду с ним на «ты»,
Как рыбак, вернувшийся домой.

Юная Фортуна благодать
Морю доверяет, жемчуга.
Но не каждый сможет отыскать
Милые, родные берега.

Штормовой истерики накал.
Словно щепки в луже – корабли.
И закат, как каберне в бокал,
Голубые полосы вдали.

Чёрный парус пляшет на ветру,
Бриз разносит песню над волной.
Морю безразлична смерть к утру.
Ведь Фортуна больше не с тобой.

Море обнимает маяки,
Отмели песчаные и мрак.
Вновь в лагуну входят моряки.
В шлюпке старой задремал рыбак.

МОЯ МУЗА

Моя муза меня разлюбила
Вдруг пораньше с утра, невзначай.
Стала вдруг холодна, нелюдима,
Не зови её, мол, не скучай.

Перестал вечно пачкать бумагу,
Не беру в руки рифмы, смеясь.
Я ведь тоже не верю в отвагу,
Я и сам всё растратил на грязь.

Виноват? Будет так, я не спорю.
Я в ответ в неё не был влюблён.
Я хотел предоставить ей волю
Среди тысячи женских имён.

Не создать себе в письмах кумира,
Не оспаривать правду глупца...

Я в ломбард заложил свою лиру
И купил на проценты свинца.

Моя муза не греет мне душу,
Не приходит ночами во снах.
Может, я никогда не был нужен
На Олимпе в высоких кругах?

ФЕВРАЛЬ

Вечер. Февраль. Снегопад продолжает
Сыпать муку на коржи тротуаров.
Свет фонарей ловит в сети прохожих.
Поздний трамвай на кольцо выезжает,
Рано пустеет пространство бульваров.
Ночь обнажилась и душу тревожит.

Вечер. Февраль. Дом пустой, охладельный.
Мне на автобус, тебе на заправку...
Город один на двоих, но не сердце.
Чай не согреет ни душу, ни тело.
Снова письмо ожидает отправки.
Я твои руки ищу, чтоб согреться.

Вечер. Февраль. Я на год стала старше.
Пятна на жизни стираются пудрой.
Ты – всё, что я накопила за годы,
Только тебе это стало не важно.
Я привыкаю. Стараюсь быть мудрой.
Быть однолюбом – как выйти из моды.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ

Поиск смысла себя – это поиск пути А до Б.
Я как Холден. Ищу тебя, словно детишек во ржи.
Коль нам быть неразлучными,
то покоримся судьбе,
Чтобы нас не делили ни стены, ни этажи.

Прикрывая ладонями шрамы от прошлых побед,
Пустоту принимая за благо, за отдых, за жизнь,
Мы даём нерушимый и неоспоримый обет
Затушить свой огонь и за пояс спрятать ножи.

И на долгом пути, каждый раз наблюдая рассвет,
Я молюсь об одном – чтобы путник
вернулся домой.

Поиск смысла себя – это не укрываться от бед,
И тогда ты почувствуешь, что значит слово
«живой».

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПАМЯТЬ

Путешествие в память – одно из любимых
и горьких.

Закрываю глаза – и отчётливо слышится стук
Деревянных колёс перемен, непомерно высоких,
Запах времени, перца и пепла прошедших разлук.

Я смотрю в темноту и пытаюсь припомнить
их лица,
Но черты расплываются в общем сплетении дней.
Помню только июнь, пятый класс, занавески
из ситца...
Гул прохожих и смех моих лучших,
но бывших друзей.

Путешествие в память так цепко впиивается
в сердце,
Что порой мы уносимся вдаль, обгоняя печаль.
И в цветастых альбомах пытаемся прошлым
согреться,
Подложив чёрно-белое фото под узкий алтарь.

Я не помню имён, помню только стихи,
чьи-то губы,
После первых предательств дрожащие руки свои.
Память – это слова, это чувства – не прибраны
грубо.
Я всё реже сейчас открываю её сундуки.

ГАЛАТЕЯ

Она сидела во дворе.
Мой мир в её худое тело
Вмещался. Молча звал к себе.
И я переступал несмело,

За шагом шаг, за метром метр,
Дистанции разрушен камень.
Я был в цепях, а в ней – весь спектр
Любви. Дрожащими руками

Я взял гранитное запястье,
Я посмотрел на темноту...
Но разве можно выиграть счастье
И обменять на слепоту?..

Она сияла светом белым.
Но вот внутри была пуста.
Я шёл к ней. Я мечтал стать целым.
Но в ней мрак, холод, чернота...

Разбитой чаши вновь не склеить,
Не оживить замёрзший куст.
Я ошибался. Смог поверить,
Что полон тот, кто с виду пуст.

Я ухожу искать источник
Прекрасной силы, чистоты.
Он соберёт меня, заточит...
Он где-то есть. Есть где-то Ты.

НА ДНЕ

Резким криком нарушь тишину,
Кулаками стучи в мою дверь.
Я без этого – якорь ко дну.
Я пьяна от настоя потерь.

Равнодушием только не режь,
Взгляд не прячь, а возьми за ладонь.
Ты мной в жизни своей заткнул брешь?
Так зачем масло лил в мой огонь?

Так зачем после стольких молитв
Ты услышал, но снова ушёл?
Моё сердце устало от битв,
Я упала на рук твоих шёлк.

И поверила в тысячный раз,
Будто станем с тобой мы одним.
Это очень печальный рассказ.
Ты ушёл и оставил мне дым...

Я БУДУ ХОРОШЕЙ

Джони, мой милый Джони,
Годы торопят вперёд.
В три у тебя самолёт
По безвозвратной брони...
Я опоздала на взлёт.

Джони, мой милый Джони,
Ты мне всегда говорил:
«Каждому дорог свой мир».
Ты был моим. Но вскоре
Кто-то из нас «нас» убил.

Джони, мой милый Джони,
Ночью был снег и мороз.
Ты навсегда и всерьёз?
Ты ведь вернёшься вскоре?
Я не сжигаю свой мост.

Джони, мой милый Джони...
Был справедливым твой суд,
Тех, кто разбит, – не спасут.
Джони, мой милый Джони...
В следующий раз I'll be good*.

* Я буду хорошей.

Валентина ИВАШИНА

(г. Славск)

Член СПР и ОПО «Росток» г. Советска. Образование высшее юридическое.

Автор книг: «Россыпи росные», «Маленькая Нидерунгия», «Заканальная зона», «Лики потерянной Пруссии», «Русские напевы». Соавтор коллективных сборников ОПО «Росток», публиковалась в иных коллективных сборниках, альманахах, журналах и СМИ.

ОЧЕРЕДЬ

Стояла очередь за счастьем простым,
Да оказались все полочки пусты.
Не то что счастья не хватило тогда,
Это бы ещё ничего, не беда.
А его и не бывало никогда.

Кто-то взял придумал про него мечту
Да рассказал другим про мечту про ту.
Так вот пошла, пошла по свету молва,
Что дают всем счастье, кому и по два,
А молва, оказалось, врать здорова.

Но народ-то, народ простачок каков,
В любую сказочку поверить готов.
Полетит, поедет, пойдёт хоть куда,
Чтобы счастье раздобыть, да навсегда.
А его и не бывало никогда.

ПАЛИНДРОМ

(Стих, который читается одинаково
слева направо и справа налево)

Голод долог,
Бел хлеб,
Ты сыт.
Ищу кущи,
И нет тени,
А лес у села.

Я око покоя.
Золото лоз

Даря, я рад.
Тут как тут
Утро во рту.
Дивен мне вид.

Я и лилия,
Око в око.
О, мимо, мимо,
Осело колесо.
Я не реву, уверен я,
Я разум, уму заря.

СМЯТЕНИЕ

Ещё не осень, нет. Но всё же
На осень время так похоже,
И холодок такой же тоже,
И разум с сердцем не в ладу.

На осень время так похоже,
Хотя такого быть не может.
Но душу всё ж смятенье гложет,
Как будто чувствует беду.

И холодок такой же тоже,
Исподтишка ползёт, тревожит,
КрадётсЯ тихо днём погожим,
Гнетёт, пульсируя в мозгу.

И разум с сердцем не в ладу,
Он словно перешёл черту
Сквозь совпадений череду.
Нашёл загадку, да не ту.

ВОЛЬНЫЕ ВИХРИ

Ветер воет – взбеленился,
Вперевадку вьётся вкруг.
Волны всюду величаво
Валом вверх взлетают вдруг.

Вгорячах взломали взморье
Ваньки-встаньки-ветерки.
Вот вам, вот вам, всем вдобавок
Всплески влаги впереди!

Взглядом ведьминым взирая,
Ветрозвон, взяв волнолом,
Вседозволенно взвинтился
Великаном валуном.

Вёрсты влаги вероломно
Вздыбил властный ветропляс,
Вакханалию вращения
Вкруговую выдал враз.

Вширь вгрызаясь, веселится
Вольных вихрей воркотня,
Воздух вдребезги взрывает,
Вензель водный выводя.

Вечер волглый всяко вторит,
Всколыхнув волну вразмах,
Выворачивает варвар
Вперемешку всё впотьмах.

КОРАБЛИК

Заплакали сонные зори,
Заохал весёлый рассвет,
Увидев, что в дремлющем море
Кораблика плыл силуэт.
Он соткан из дымчатой тени
И света блуждающих волн,
Из тонких и смутных видений
Построен был призрачный чёлн.

Вдоль взморья, где утро безлюдно,
Шёл курсом обратным фантом
Когда-то погибшего судна,
С которым был берег знаком.
Однажды в предутренних зорях
Покинул он здешний причал,
С тех пор пропадал на дне моря
И очень по дому скучал.

Свой образ он в мыслях составил,
Поднял из холодных глубин
И плыл вне канонов и правил
Домой из далёких чужбин.
Поэтому плакали зори,
Поэтому охал рассвет,
Увидев нечаянно в море
Кораблик, которого нет.

ПОГОВОРИМ?

Давай поговорим об осени.
Об осени давай поговорим?
Смотри, деревья лист не сбросили,
Багрянец лёгкий еле различим.
А небо... небо бирюзовое,
Невероятной бесконечности.
Гляжу в него и будто снова я
Разглядываю очи вечности.
Той вечности всепоглощающей,
Которая всегда живёт во всём
Живой, всевидящей, всезнающей,
Но наяву невидимой при том.

Давай поговорим об осени.
Об осени давай поговорим?
Смотри, вон там в зелёной озими
Оттенок грусти еле различим.
А птицы... птицы быстрокрылые
Скользят вдоль берега извечности,
В своём неведении счастливые,
Достигли высшей безупречности.
Той безупречности устойчивой,
Которая основа всех основ,
Разумной, строгой и настойчивой.
Но не похожей на осенний зов.

Давай поговорим об осени.
Об осени давай поговорим?
Смотри, в её медноголосии
Дрожит холодный светло-сизый дым.
А поле... полюшко холщовое
В своей уступчивой беспечности
Колышет травами шелковыми
Вослед прозрачной быстротечности.
Той быстротечности чарующей,
Которая не ведает проблем,
Всевластной, царственной, волнующей,
Но так и не разгаданной никем.

Виктор ГЕМАНОВ

Капитан 2-го ранга в отставке, действительный член Российской академии военно-исторических наук, профессор Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота, член правления Балтийского отделения Союза писателей России, член Союза журналистов России.

Опубликовал более сорока исторических, художественных и поэтических книг. В их числе книги о героях Великой Отечественной войны: Героях Советского Союза подводниках А. Маринеско и М. Калинин; поэма о морском лётчике дважды Герое Советского Союза Нельсоне Степаняне; сборник очерков об участниках штурма города-крепости Кёнигсберг. Издал ряд повестей о героях современного военного и рыболовецкого флотов. Среди исторических произведений – «История Российского флота», «Витязи балтийских глубин», «Под флагом Родины»...

Занесён в энциклопедии «Лучшие люди России» (2005), «Кто есть кто в России» (Швейцария, 2011), «Толковый словарь Калининградской области».

Лауреат Всесоюзной литературной премии имени Александра Невского, национальной премии «Щит и меч Отечества», премии «Патриот земли Российской»...

Я РАД...

Я рад, когда сижу
За письменным столом,
Когда в руках моих
Перо и лист иль книга.
Тогда плетётся
Творчества интрига
И мчится мысль,
Порою кувыркком.

Но иногда
В душе моей покой.
Перо молчит.
И я молчу, расслабясь.
Мозг отдыхает.
В нём рождается завязь –
Задумка книги,
Перл очередной.

Мне непонятен
Творчества закон:
Его приливы,
Штормы и отливы.
Но рад ему –
Ведь это только он
Меня, поэта,
Делает счастливым!

СОГРЕТЬ ТЕПЛОМ СВОИМ...

Перебиваясь с ямба на хорей,
Пишу скорей, минутки не теряя,
О милой красоте родного края,
О зелени возделанных полей,

О красоте приморских городов,
О пышности лесов и перелесков,
О сотнях приходящих в порт судов,
О волн морских сиянии и блеске.

Пишу я о собратях-рыбаках,
С которыми встречался в океане,
Пишу я о героях-ветеранах,
Чей путь к Победе порохом пропах.

Пишу о тех, кто рядом, кто вдали,
Пишу о тех, кого совсем не знаю,
Но чутким сердцем всё же понимаю,
Как их пути по жизни пролегли.

Пишу я ночью или ранней ранью,
Пишу я о полёте малых птах,
Пишу я о своих переживаньях,
О мыслях, о задумках и мечтах.

На что падёт мой взор,
На чём мой ум споткнётся –
Мой стих опять строкою улыбнётся,
А может быть, ударит он плеча,
Когда беда-обида горяча.

Ну, словом, равнодушие не приемля,
Готов обнять я всю страну, всю Землю:
Я написать стараюсь новый стих,
Чтобы согреть теплом своим других!

А Я ДРУГОЙ...

Хотел, чтоб белым и пушистым
Остался в памяти людской.
Но жизнь бурлит, а мир неистов:
В сердцах и душах непокой.

И значит, мне не петь о розах,
О пышных белых облаках,
О громогласных летних грозах,
О нежных девичьих руках.

Мне уготовано иное:
Коль мир устроен так хитро,
Я этой сложною порою
Обязан в руки взять перо,

Чтоб непреклонно и упрямо
Я мог читателям твердить
Не столь о сокровенном самом –
О том, что нам мешает жить!

Я никогда не был речистым.
И в диком беге лет и зим
Хотел быть белым и пушистым.
Но должен быть совсем другим!

ДОСТОИНСТВО ИМЕТЬ

Я помню радость созиданья,
Когда твоя душа поёт;
И вдохновенье ранней ранью,
И славы сладостный полёт.

Знавал я омут невезенья
И холод сдержанных сердец,
Терпел ожоги униженья
И непризнания венец.

Хоть ветер жизни нежно веет,
А то большой бедой грозит,
Я горд: моя не гнулась шея
Под грузом славы и обид.

Я верю: до скончанья века,
Сквозь бури дней и славы медь
Всего важней для человека –
Своё достоинство иметь!

Таисия БОГДАН-ЖУРИХИНА

Уроженка Калининградской области, чем искренне гордится. Литература влекла её всегда, но всерьёз занялась поэзией после знакомства с ОПО «Росток» г. Советска. Проза появилась позже. Дипломант международных и межрегиональных конкурсов поэзии и прозы.

Исповеди

Случилось мне как-то по своим сердечным делам оказаться в областной кардиологии. Палаты были заполнены частично. В нашей, трёхместной, лежало всего два человека – я да молодая женщина из отдалённого района. Свободно. Комфортно. Тут же в палате, в отдельном отсеке, душ и все удобства. Кормили тоже неплохо. К обеду подавали вполне приличную еду. Медперсонал вежливый, обходительный. Лечись – не хочу! Контингент по возрасту в основном выше среднего – те, кому уже далеко за тридцать.

Говорят, осенью и зимой палаты переполнены. Старушки с дач и огородов возвращаются и берут стационар штурмом. Нам повезло. Была летняя пора.

До обеда процедуры, а потом весь день свободны. Много разговаривали со своей «сокамерницей» – так я шутя назвала свою соседку по палате. Выходить особо было некуда. Вот и лежали «растелешенные» за закрытой дверью (отделение-то общее) на железных кроватях, в беседах да раздумьях. Говорили, как водится, о

своих болячках – где же ещё, как не здесь, поговорить о них. Да ещё о житейских проблемах, о детях, ну и о делах воистину сердечных, конечно. Пообвыкшись, осмелели. Стали выходить на улицу, во внутренний больничный дворик. Иногда до самых вечерних процедур нарезали круги по периметру больничного фруктового садика. Однажды, возвращаясь с прогулки и проходя по коридору в своё отделение, обратили внимание на дверь с крестиком.

– Это церковь больничная, – сказала соседка. – Там иконы есть, даже со святыми мощами. Можно помолиться. Может, Боженька и отпустит наши хворобы.

Приоткрыли дверь. В крохотной комнате на стенах висели иконы. Горели зажжённые свечи. За маленьким столиком, с книжкой в руках, сидела крупная женщина в тёмных одеждах. «Монашка», – решила я про себя. Отложив книгу, она тут же встала и пригласила нас войти. Своей необъятной фигурой, под два метра ростом, она заняла почти всё пространство в комнате. Создавалось впечатление, что это пе-

реодетый в женские одежды крупногабаритный мужчина с басистым голосом.

– Батюшка с утра принимает. Можно исповедаться и причаститься, – трубила она.

– Я крещёная, но никогда не исповедовалась, – косясь на монашку, шёпотом говорю соседке, – и как это делается, понятия не имею.

– А ты её спроси, – показала она глазами на святую сестру, – может, что тебе подскажет. Я-то в этом сама не очень разбираюсь.

– Исповедание – это раскаяние в грехах, – строго прищулив глаза, прервала наше перешёптывание монашка. – Надо вспомнить обо всех своих проступках и рассказать батюшке.

– Да где уж теперь их все вспомнить-то, грехи свои, – ответила я, робко, снизу вверх, взирая на монашку. – Да и неудобно как-то незнакомому человеку признаваться в своих проступках.

– Если неудобно рассказывать, – прогудела монашка, – можно всё написать на листочке и передать батюшке. Господь простит – и, возможно, здоровье ваше поправится, – угодливо протрубила она. – Приходите завтра к семи тридцати утра, да не вздумайте завтракать, – напутствовала святая сестра на прощание.

Больной человек за любую надежду на выздоровление цепляется как за спасительную соломинку. А тут всего и делов-то: записывая знай свои грехи – большие да малые – и потом представь кому нужно. Главное, не упустить чего-нибудь важного, не оставить «на потом».

Рассудила, что в жизни просто так ничего не бывает, и этот разговор со святой сестрой-монашкой тоже не случаен. Значит, надо обязательно воспользоваться этим шансом на выздоровление и идти на исповедь.

Семь тридцать – время по больничным меркам раннее. «Основная масса больных спит, и вряд ли кто придёт каяться в грехах об эту пору», – опасаясь ненужных свидетелей, мысленно успокаивала я себя, направляясь к заветной двери. Листочки с записанными грехами, свёрнутые в трубочку, как китайская грамота, бережно сжимала в руке. Ещё с вечера добросовестно записала все прегрешения. А их оказалось немало. Ещё бы! По совету соседки

записывала чуть ли не от даты своего рождения. Вспомнила, как в первом классе сняла с одёжной вешалки красивую косыночку одноклассницы. Спрятала её в парту и молча любовалась яркими шёлковыми цветами. Одноклассница, сейчас имени не помню, обнаружив пропажу, громко заплакала. А я не знала, как выпутаться из этой ситуации. Очень не хотелось быть уличённой в краже. Запихала злополучный цветастый комоч в дальний угол парты и прикрыла газетой, снятой с обложки букваря. Но первая школьная учительница – Зинаида Степановна – догадалась, видимо, по моему заалевшему лицу обо всём.

– Неси сюда то, что ты там прячешь, – глядя мне прямо в глаза, тихо сказала она.

До сих пор не понимаю, как я тогда не умерла от стыда...

Писала о том, что считала серьёзными проступками. Вспомнила, как своевременно не пришла на помощь своей дворовой собаке Данке. Она, с отвисшим животом, скулила всю зимнюю ночь, пытаясь самостоятельно ощениться в холодной будке. Особо не задумываясь, решила – ничего страшного, все дворовые собаки скулят в таких случаях. Потом, по обыкновению, появляется приплод, и собачка опять прежняя. Небось и на этот раз обойдётся... Не обошлось...

Ещё припомнила встречу с подругой-одноклассницей, которая зашла ко мне в гости в мой медовый месяц. Мы-то девчонками часто заходили к ней в её семейную квартиру. Она раньше всех замуж вышла. Муж её был водителем, постоянно в разъездах, и мы буквально пропадали у неё все вечера после работы. Играли с маленькой дочкой Леночкой, шутили, смеялись, пели. Она всегда угощала нас какой-нибудь немудрёной едой, видимо, приготовленной для мужа. Мы же никогда об этом не задумывались, трескали за милую душу – аппетит молодой, здоровый, – хотя из своих домов голодными не уходили. У неё нам всем было хорошо и весело...

А я встретила подругу у порога и, усадив к столу на кухне, принялась всем своим видом показывать, какая и я хорошая хозяйка.

И пыль-то мне вытереть надо, и полы подтереть! И обед мужу приготовить. Принялась строгать овощи на салат, вроде как мне очень некогда, а тут гостя нежданная... Не знаю, что на меня тогда нашло. Уж очень хотелось доказать подруге, что я уже не та беззаботная хохотушка-девчонка, а мужняя жена-хлопотунья: домовитая и проворная. За хлопотами этими и не удосужилась покормить гостю. А когда, спохватившись, запоздало предложила ей попробовать приготовленный салат, она отказалась. Поспешно простилась и ушла. Больше она ко мне не заходила...

Много грехов вспомнила. И каждое воспоминание отдавалось в сердце царапающей болью. Как будто это совесть, когда-то равнодушно засунутая в дальний уголок души, скреблась, напоминая о себе. Вот, мол, я здесь, выпустите меня, пришло моё время.

...Шла по пустынному коридору. Дверь с крестом была широко открыта. К моему огорчению, желающих покаяться в грехах было больше десятка человек, мужчин и женщин.

«Как же мы все поместимся здесь?» – оглядывала я крошечное помещение. Вчерашняя монашка быстро расставила всех вдоль стены ожидать своей очереди. Батюшка, молодой, не более тридцати лет, но грузноватый для своего возраста, деловито молился у иконы с противоположной от нашей «массовки» стороны. Помолившись, пригласил к иконе первую по очереди, немолодую «грешницу». Накрыв стоящую на коленях женщину парчовой накидкой, прищурил глаза, вслушиваясь в доносившееся из-под ткани тихое бормотанье. Затем сказал, что Господь прощает ей грехи, снял с головы женщины покрывало и протянул ей для поцелуя распятие.

Я начинала мандражировать. Подходила моя очередь.

Став на колени, протянула батюшке свой греховный свиток и затихла под покрывалом. Батюшка, вздыхая, шелестел страницами моей рукописи. Сжавшись в комочек от страха, я с замиранием сердца ждала, что он вот-вот с возмущением скажет: «Да ладно!»

Но было тихо. И, уже почти успокоившись, я вдруг услышала его удивлённый голос:

~~— Так вы что, воровали?~~

~~Массовка на заднем плане оживилась. По-
слышался осуждающий ропот.~~

~~Заикаясь, я ответила, что там же ясно,
по-русски написано: это было в первом классе.
В очень далёком, так сказать, детстве. И зале-
петала что-то про срок давности...~~

~~Батюшка вздохнул и, отпустив грехи, снял
с моей головы покрывало.~~

~~Поцеловав крест, я поднялась с колен.~~

~~— Это всё? — недоверчиво спросила батюш-
ку. Можно идти?~~

~~Массовка недовольно зашикала, а монашка
сказала, чтобы я не задерживала очередь и
шла причащаться. Теперь уж и не вспомню,
чем тогда всё закончилось.~~

~~Ошарашенная произошедшим: надо же,
грешила всю жизнь, а простилось всё за мину-
ту, — я разочарованно шла по коридору. В такт
шагам мысленно давала себе зарок, что нико-
му и никогда больше не буду каяться в грехах.
Даже если этот кто-то будет самым главным
на земле батюшкой. Но ведь не Бог же!~~

~~Днём старалась не думать об утреннем
таинстве. «Сокамерница» только сочувственно
смотрела на меня, не досаждая вопросами. А я
вдруг поймала себя на мысли, что благодаря
этим воспоминаниям, сама того не осознавая,
повинилась в своих неблагоприятных делах перед
теми, кого когда-то обидела или к кому была
несправедлива. Сердечная боль понемногу от-
ступала. Пришло успокоение, даже умиротво-
рение. Мысли текли плавно, не перескакивали,
как обычно, с одного на другое. На душе было
спокойно и радостно. Хотелось сделать какое-
нибудь полезное, доброе дело...~~

~~С сомнением прислушивалась к себе:
неужели это всё последствия принародного
покаяния? Неужели мне действительно при-
несла облегчение эта выставленная напоказ
исповедь? Но почему-то встречаться с людьми,
присутствовавшими на этом таинстве (которых
про себя называла массовой), мне совсем не
хотелось. Да и какое это таинство? Всё на поток.
Всё суета... А на душе то полегчало...~~

БОЛЬНИЧНЫЕ СТРАДАНИЯ

Скучновато на лечении,
Из больничных развлечений
Лишь одно –
Под пришипленным карнизом
Будто плазма-телевизор
В мир окно.
Городок в туманной дымке...
Двор. Случайные снежинки
Носятся...
Тень мелькнула в переулке...
Кот продрогший в дом с прогулки
Просится...
На тропинке листьев куча.
Бабка собирает сучья...
Зябненько!
Свет зажёгся. Вечер близок...
Из окна летит огрызок
Яблока...
Вновь зовут на процедуры:
Шприцем продырявят шкуру
Хворую-ю-ю-ю...
На ладошку – пять таблеток...
Будем жить! Чертовски это
Здо-ро-во!

НАША ЗЕМЛЯ

Под грядки с внуком огород копали,
Трудился горожанин в меру сил.
Работа шла к концу. Устав, молчали,
И вдруг он неожиданно спросил:
– А правда, дед, что здесь земля не наша?
Оторопев, гляжу, куда присесть.
Он, продолжая, хворостинкой машет:
– И вовсе не хозяева мы здесь?..
Ищу рукой опору понадёжней,
Ну озадачил, прямо скажем, внук,
На первый взгляд, вопрос-то и не сложный,
Но как ответить в двух словах ему?
– А ну, припоминай, где ты родился?
Где отчий дом родителей твоих?
Откуда я и как здесь объявился?
Ну что же ты, голуба мой, затих?
Вот прадед твой был родом с Украины

И жил бы там до старости без бед,
Когда б фашист орду свою не двинул
На землю русскую. – Тут голос мой окреп –
Когда бы не крушил рукой кровавой
Деревни наши, сёла, города,
Не жаждал бы – стервец – военной славы,
Не сеял бы разруху, смерть... Тогда
Землица-мать от горяшка стонала...
Обороняться вышел стар и млад...
И вскоре фрицам так бока намяли,
Что, видимо, до сей поры болят...
Погнал солдат врагов своих до моря –
До самой вражьей западной земли,
Которую потом, с победой, вскоре
Землёй Калининградской нарекли.
Здесь прадеду пришлось с врагом сразиться,
Он кровь за эту землю проливал,
А чтоб фашизм не смог вновь возродиться –
Форпостом мира новый край назвал.
А там и я на свете появился
И в области прожил почти весь век.
Отцовскими медалями гордился,
Особенно за взятый Кёнигсберг!
Ну а потом, когда отца не стало –
Контузия, осколок доконал, –
Я ордена его все и медали
Сынишке, бате моему, отдал.
Чтобы берёг он дедовы награды,
Его военной славой дорожил
И помнил бы, что эту землю смлада
Он кровушкой солдатской заслужил...
...Ну что ж ты хворостинкою не машешь,
Не убедил? Как мой тебе расклад?
– Да ладно, дед, земля, конечно, наша.
И город – русский, наш – Калининград!

2017 год

(Диплом 1-й степени областного
конкурса «За далью даль»)

* * *

Февраль калининградский... Обожаю –
Туман, капли, заполошный дождь!
(В конце декады – значит, к урожаю...)
И вдруг – мороз! Когда совсем не ждёшь...

Вновь деревья под сказочной парчою
Стыдливо прячут мрачность наготы.
И, обрядившись белой бахромою,
Засеребрились инеем кусты.

Но где-то там, под толщей шубы снежной,
Сквозь тернии промёрзшего листка
Упрямо пробивается подснежник...
И ручеек журчит из-под мостка...

ТИЛЬЗИТСКИЙ КОТ

Старый уличный кот,
Неспроста нарекли тебя стражем.
На скамье городской ты часами, как сфинкс,
восседал.

Ну а праздный народ,
Дефилируя медленно-важно,
Умиляясь тобой, в выходные привычно гулял.

Примостилась и я
На скамейку к тебе осторожно,
Приоткрыв правый глаз, ты,
надменно взирая, зевнул...

– О Мадонна моя!
Неужели такое возможно?
Приснопамятный взгляд всё нутро моё
перевернул!

Равнодушно привстав,
Кот прогнулся по давней привычке.
Не взглянув – отошёл, тяжело соскочив
со скамьи.

– Ты меня не признал?
Не признал в человеческом обличье...
Ну а я до сих пор помню цепкие когти твои!

А напомнить, каков
Был твой вид в ту пору, друг сердешный?
В клочья драная шерсть и прилипшие
к рёбрам бока,

Хищный отблеск зрачков
И в застывшей голодной усмешке
Приоткрытая пасть. И спина в ожиданье
пинка...

...Старый плут и нахал,
Не мешало убавить бы спеси.
Ну, куда заспешил? Что, серьёзные, скажешь,
дела?

Неужель не узнал?
...Я ведь тоже в тильзитском предместье,
На задворках конюшен, с вороньёю стаей жила...

Пижончики

Хр-руп! – и осколки раздавленного гранёного стакана вспороли ладонь того, кто таким пижонским образом решил продемонстрировать крепость своих дланей.

Проведению атлетического эксперимента и его печальному результату способствовал целый ряд обстоятельств. Во-первых, суровому обладателю могучей кисти через две недели должно было исполниться аж семнадцать. Во-вторых, все его познания в области общения с прекрасным полом ограничивались курсом дворовых лекций и изучением медицинского справочника, который был позаимствован другом детства у отца-гинеколога. А в-третьих, как ещё можно было привлечь внимание миниатюрной, но совершенно независимой, невероятно глазастой и очень строгой старосты параллельной группы, если при одном взгляде на её ладную фигурку в сером мини-платице кровь просто вскипала, намертво иссушая обычно разговорчивый рот и приклеивая онемевший язык к гортани.

И вот – привлёк...

Уже изрядно поддавший друг Серёга, который и притащил его на восьмимартовскую вечеринку своей группы, удивлённо воззрился на алую струйку, стекающую с кисти друга:

– Стакан полный был, что ли?

– Ты что, кровь от портвейна не можешь отличить? – злясь на себя в душе, и потому особенно язвительно ответил пострадавший.

– Ну это сколько выпить, – резонно заметил приятель, – а то состав может быть и совсем одинаковый...

Девчонки же – хозяйки тесной общежитской комнатки, уставленной двухъярусными железными кроватями, – всполошились:

– Вы с ума сошли? Он же порезался!

И тут произошло то, ради чего можно было передать ещё дюжину стаканов и даже сплясать боевой танец на их осколках: ОНА первой метнулась к шкафчику с женскими причиндалами и, выхватив пакет с какими-то ватно-марлевыми делами, вернулась к герою вечера.

– Покажи рану, там стекло не застряло?

Он разжал ладонь. Тонкая красная струйка, цвиркнув, прыгнула на её платье, мгновенно расплывшись пятнами по модному кримплону.

И без того громадные глазищи стали ещё больше. Но маленькие ловкие ручки уже соорудили тампон, прижали его к зияющему разрезу и принялись заматывать скрюченную от боли кисть.

Закончив перевязку, сестра милосердия скомандовала:

– Мальчишки, идите погуляйте минут десять, я переоденусь.

Парни двинулись в коридор, на ходу подначивая хорохорящегося стаканобойца, а она, закрыв дверь, разревелась. Было очень жалко этого смешного дурачка, весь вечер украдкой следившего за ней, и было стыдно перед подружкой, одолившей на вечер своё лучшее платье. Личный парадный гардероб, состоявший из мини-юбки и нарядной кофточки, был выстиран ещё вчера, но до сих пор сох на спинке кровати. Так что и переодеться-то, собственно, было не во что.

Душевная умница Лелька поняла всё сразу. Обняв подружку за плечи, она весело сказала:

– Ну ты что! Из-за платья, что ли? Да кримплен отстирается без проблем, только сейчас прямо замочим. Зато какой кавалер, а! Кровь готов для тебя пролить! Ты возьми надень свой домашний халатик, мужики все обалдеют.

– И все с ходу начнут резаться, – добавила яркая, темпераментная и язвительная Наталья.

Вернувшись же представителям сильного, но бестолкового пола дамы, переодевшиеся из солидарности в разноцветные халатики, объявили:

– Мы тут хотели все в белые халаты одеться и бинтов ещё закупить, но надеемся на ваше трезвое поведение и предлагаем попить чаю.

Сгорающий от стыда виновник переполоха пытался смыться ещё в коридоре, но был отловлен. Теперь он сидел с пылающим лицом, пил чай и, погрузившись в горестные размышления, ждал удобного момента, чтобы извиниться за причинённые хлопоты.

– Остановилась?

– А? – вздрогнул он.

– Кровь остановилась? – Нежная ладошка осторожно коснулась замотанной руки. Наклонившись, ОНА внимательно смотрела на бинты, сквозь которые проступало багровое пятно. Воротничок жёлтенького ситцевого халатика, украшенного незатейливыми цветочками, отошёл, приоткрывая небольшие смуглые грудки. Ещё чуть-чуть и... Но маленький пластмассовый жёлто-зелёный лимончик, верхняя из ряда застегивающих халатик пуговиц, спас... нет, не хозяйку, а того, кому она так хотела помочь.

Ведь и так просто удивительно, что не бетонная плотина, а обычный марлевый тампон оказался способен удержать гремучую смесь из гормонов и адреналина, прогоняемую сумасшедшими толчками молодого сердца с частотой сто восемьдесят ударов в минуту...

И всё же... ах, лимончик, лимончик!..

* * *

В первый месяц они практически не спали. А тут ещё и сессия подвернулась. Так что после ночных бдений над конспектами, то и дело прерываемых для занятий, не предусмотренных программой, особо и отсыпаться было некогда. Но не зря восточные мудрецы рассматривали любовь как особый род помешательства, обычно не опасного для окружающих.

Скорее – мешали окружающие. Ведь всё имеет свой предел. В его комнате жили ещё пятеро, в её – четыре подружки. Принудительные коллективные походы в кино и самоотвер-

Валерий ГОРБАНЬ

Валерий Вениаминович Горбань родился в 1959 году в р.п. Чегдомын Хабаровского края. Окончил биолого-почвенный факультет Дальневосточного университета. По личному рапорту был призван в Вооружённые силы СССР, отслужил действительную службу в войсках связи. После увольнения в запас поступил на службу в МВД СССР. Работал в подразделениях по борьбе с организованной преступностью на должностях оперативного состава, в том числе и в специальном отделе быстрого реагирования (СОБР). В 1995–1996 годах командовал ОМОН при УВД Магаданской области. Участник первой чеченской кампании, награждён орденом Мужества и ведомственными медалями. Выпускник Академии управления МВД России. Полковник милиции в отставке.

С 2000 года живёт в Калининградской области. В настоящее время – заместитель главы администрации муниципального образования «Гвардейский городской округ». Член Союза писателей России. Автор трёх книг, а также соавтор семи сборников художественных и документальных произведений. Лауреат творческих конкурсов. Удостоен медали Шукшина.

женное высиживание друзей в учебных холлах общежития могли продлиться месяц-другой. А год?.. Постоянные встречи украдкой, пятнадцатиминутная «любовь» с настороженным ожиданием тяжких шагов бдительной комендантши,

вечный страх забеременеть и неопределённость своего положения всё больше и больше тяготили прекрасную половину влюблённой пары. Всё чаще пылкие встречи стали заканчиваться неожиданными слезами, приводившими вторую половину, более легкомысленную и толстокожую, сначала в недоумение, а затем в тихую ярость. Ибо нет на свете средства, которое действует на мужчину сильнее, чем женские слёзы.

И наступил день, когда бушевавшее в крови возбуждение, не найдя желанного и привычного выхода, прорвалось жестокими словами:

– Как ты мне надоела!

* * *

Очень трудно объяснить, что ощущает человек, который в полной темноте, на ощупь, хлебает из жестяной банки варено из скользких грибов без соли и специй. Завершался десятый день эксперимента «Мы и природа», реализованного тремя друзьями в чудесном уголке дальневосточной тайги.

– А не пора ли домой, соколы вы мои? – весело спросил друг Серёга.

– Угу! – давась склизотенью, промычал из темноты старого зимовья другой молодой голос.

Третий ответил не сразу. Не хотелось, чтобы по дрогнувшему голосу друзья поняли его состояние. И без того поглядывают сочувственно, как на больного, прекрасно понимая, что творится в душе приятеля, попытавшегося сбежать в тайгу от самого себя.

А в этой душе изо дня в день, повторяясь словно на заезженной пластинке, всё громче и громче звучала одна и та же фраза:

– Животное, идиот, ведь ты её теряешь... если уже не потерял!

* * *

– Нам надо поговорить.

– А разве не всё сказано? – Она, беззащитно съёжившись, будто ожидая удара, сидела на краешке кровати.

– Я хотел сказать, что люблю тебя и что не могу без тебя.

– В первый раз слышу от тебя слово «люблю». Обычно ты говоришь «хочу»... – Гордость переломила горе. Её глаза смотрели вызывающе, и тёплый коричневый ободок, обычно омывающий бездонные зрачки, исчез под наплывом беспощадно-ядовитой зелени.

– Это очень серьёзное слово, ты слышишь его первая и единственная.

– Мне тяжело с тобой сейчас говорить...

– Я понимаю. Но если мы не сможем прощать друг другу обиды и ошибки, как мы сможем прожить вместе всю жизнь?

Платочек не помог. И закушенные в кровь губы тоже не остановили предательский поток. Слезинки стекали по милому измученному лицу, как капельки весеннего сока по израненной коре берёзы.

Его сердце рвалось на части от любви, жалости и той великодушной нежности, которая и делает мужчину мужчиной. А его губы собирали горько-солёные капельки с лица любимой, с её нежной, трепещущей пульсирующими жилочками шеи и с ребристого бочка маленького жёлто-зелёного лимончика в вырезе простенького домашнего халата...

* * *

Женщина, придирчиво хмуря брови, но с тайным удовольствием рассматривала себя в зеркало: в жизни не подумаешь, что у отражающейся в стекле обладательницы ладной, стройной фигуры старший сын – двадцатилетний студент.

И её обновка выглядела просто замечательно.

Чёрно-золотые трусики итальянского ночного шёлка, сделанные в виде шортиков, скрадывали слегка располневшие бёдра (ну и что?.. родите троих, я на вас посмотрю!). Короткая маечка, наоборот, соблазнительно обтягивала небольшую, но всё ещё упругую и красивую грудь. А твёрдые, как у девчонки, соски выпирали сквозь нежную ткань такими задорными пуговками, что в исходе сегодняшней демонстрации мод сомневаться не приходилось.

А вот и ОН! Хлопнула входная дверь, и дурчаившиеся у себя в комнате младшие пацаны перенесли свои крикливые голоса в прихожую.

Женщина откинула покрывало на роскошной кровати, легла, только слегка прикрыв обнажённые ноги, и сделала вид, будто целиком погружена в очередную серию «Санта-Барбары».

Муж вошёл в комнату, тускло-безразличным взглядом скользнул по жене и, мазнув её губы коротким дежурным поцелуем, вышел, прихватив халат.

Она, подавив разочарование (умотался, наверное: работа – сплошные нервы), сообщила вслед, что ужин в микроволновке, и уже всерьёз погрузилась в мыльные страсти.

Минут через двадцать он снова появился в спальне, и в тот же момент хлопнула входная дверь. Женщина, не отрываясь от экрана, спросила:

– Кто ушёл?

– Мальчишки.

– Куда они?

– Я их гулять отправил, на улице погода прекрасная.

Она удивлённо вскинула на мужа глаза, и тут же словно горячая волна плеснула в сердце, растеклась-раскатилась по телу, закружив голову и пробив сладкой дрожью колени.

Её мужчина, горячий после душа, благоухающий лосьоном после бритья, стоял перед ней, сбросив халат. Его хитрющие глаза смеялись и уже ласкали...

Нет, это было не долгое и умелое наслаждение двух взрослых людей, изучивших друг друга до последней клеточки и понимающих партнёра с полувздоха, полустона. Это было сладкое безумство юных любовников, впервые ворвавшихся в сумасшедший мир неумной страсти.

И не полированную гладь хитроумных кнопок, упрятанных в складках дорогого шёлка, ощущали его нетерпеливые пальцы, а шершавую поверхность пластмассовых жёлто-зелёных лимончиков, ревниво прячущих под незатейливым ситцем сокровища всей его жизни.

АВИТАМИНОЗ

Вот и закончилась наша первая ночь в Грозном.

Закончилась без суеты, без страха. И если поклацали мои орлы зубами, то не из-за пулявшей всю ночь по блоку «биатлонки», а от неожиданного после вчерашней дневной жары ночного заморозка.

Так что, командир, через левое плечо поплывай, но, похоже, можешь себя поздравить. Пусть командировка только начинается. Пусть это всего лишь одна из предназначенных твоему отряду сорока пяти ночей. Пусть война в любой момент может подкинуть какой-нибудь страшный сюрприз. А всё-таки – ты готов. И орлы твои готовы. И солнышко снова шпарит.

Воспоминания о ночном заморозке вместе с потом из-под «Сферы» солёными ручейками утекли. Даже странно подумать, что дома ещё сугробы лежат и метели вовсю буянят. Сейчас бы крошечки холодненькой... Кстати, вчера, когда шли на базу из ГУОШа, проезжали мимо

рынка. Похоже, в Грозном народ действует по правилу: война войной, а торговля по расписанию. На рынке народу полно, и издали видно, что прилавки зеленью забиты. А хочется зелёночки-то, травки-силосу, витаминчиков! Правда, мужики в комендатуре говорили, что цены на рынке ещё высоковаты, надо чуть подождать. Да только дорога ложка к обеду. Когда всего полно будет, то и охотка отойдёт. А вот сейчас лучком зелёным в солонку ткнуть, да с чёрным хлебушком его! Или редисочкой свежей, ядреной похрустеть... Всё, сил нет, слюна аж фонтаном брызжет. И вообще, аль мы не крутые, аль не заслужили?!

– Котяра!

– Здесь, командир!

– Давай, готовь машину и группу прикрытия. Смотаемся на рынок, посмотрим, как тут народ живёт. Да надо к обеду зелени набрать. А то мы как бригада вурдалаков выглядим. Морды бледные, губы синие. В медицинские учебники

можно фотографировать, в раздел про авитаминоз. Сколько тебе времени нужно?

– Пять минут.

– Время пошло...

Пять не пять, но через десять минут уже и «Урал» у коменданта выпросили, и сопровождение в полном боевом из-под брезента радостными физиономиями сияет. Ну, понятное дело – весь цвет отряда здесь. Первый выход в город, на оперативный простор. Это тебе не на блоке торчать, марсианские пейзажи на грозненском асфальте рассматривать.

...Рынок как рынок. Всё та же туретчина, китайщина. Польский ширпотреб попадает. Всё те же сникерсы-марсы-пепси-колы. Торгаши, в основном чеченки, галдят, как положено. Зазывают, подначивают. По-русски почти все нормально говорят. Только гласные потягивают, нараспев как-то. Шипящие очень любят. И букву «в» смешно выговаривают: губы в трубочку, как англичане своё «дабл ю», из-за которого до сих пор Шерлок Холмс в разных изданиях то с Уотсоном, то с Ватсоном за злодеями бегают.

Мужиков мало. Только мясо продают двое или трое. Да водку – один. Несколько человек у стенок киосков на корточках сидят. Надо повнимательней быть. А то в толпе и стрелять не надо. Сунут заточку под броник – ты ещё по инерции идти будешь, а твой «приятель» уже испариться три раза успеет.

– Не разбегаться. Группой идём. Повнимательней.

Вот она, зелень кучерявая. Вот она, родимая. Тут надо Кота вперед запускать. Ох и мастер торговаться! Рожка уже в улыбке расплылась, глазёнки заблестели. В своей стихии человек.

Что-то с первой хозяйкой не сторговались. Ну понятно, кто же на Кавказе товар с первого захода берёт? Тут торговаться не уметь – себя не уважать. Только делать это надо красиво. Не жлобства ради, а искусства для.

Красивый торг – это состязание поэтов!

Ну вот! Тётка-покупательница весь кайф обломила! По виду – своя, русачка. Только странная какая-то: бледная, лицо как испитое. Дёрганая, похоже, с лёгкой шизой. Котяра со второй продавщицей уже целую сагу о молодой

редиске сложили, уже партию на два голоса без фортепьяно дружененько так стали выводить... А эта подошла, теребит пучки: то ей не так, это не эдак. Есть такая категория рыночных посетителей. Им в удовольствие пройти, попрощаться, ничего не купить, зато каждому продавцу его товар охаять. Желчь слить. Обычно торгаши таких мгновенно вычисляют и либо игнорируют, либо сразу отсылают подальше. Но наша чеченка вежливая оказалась. Хоть и видно, что ничего эта тетка покупать не будет, хоть и сбила она нам торг красивый, но не злится продавщица, отвечает ей на все вопросы, разговаривает вежливо. Наверное, боится русской при нас дерзить. То-то! Это вам не девяносто четвёртый, когда о русских здесь любая мразь ноги вытирала, как хотела. Теперь у них защитники есть!

– Ну, вы будете брать что-нибудь? – Котяра ухмыляется галантно.

– Нет, дорого. Что это за цена? С ума совсем сошли.

Женщина бережно кладёт пучок редиски на место (что ж не швырнула для полноты возмущения?) и, отвернувшись, уходит наконец. Ну ладно, и нам пора. Котяра затаривается в два пакета, сбив цену чуть не вполовину. Хозяйка торжественно, в знак признания его несомненного таланта, ещё три пучка укропа бесплатно вручает.

Комплименты, обещания теперь покупать зелень только у этой красавицы (благо её джигита рядом нет), аплодисменты, занавес...

А на базе уже борщ с тушёночкой доваривают. Сейчас мы туда укропчику, чесноку меленько рубленного, да под лучок... Есть счастье на свете, люди добрые!..

Вон как наряд в столовой при виде роскоши такой развеселился. Так: пока они борщ доводят до абсолютного совершенства, а столы – до уровня фламандских натюрмортов, надо быстренько в комендатуру мотнуться. Замкоменданта по милиции обещал подготовить график патрулирования, да, если честно, и желание поделиться первыми впечатлениями аж распирает...

Что-то нет Фёдорыча. Ни в штабной комнате, ни в спальне. Может, на улице? В комендатуре два входа-выхода. Один – со двора, для

своих. Второй – снаружи: к шлагбауму и пункту выдачи гуманитарки.

Точно – вот он. Возле шлагбаума с народом стоит. Откуда их столько? Старики, женщины, некоторые с детьми. Есть и чеченцы, но в основном свои – славяне. И тоже лица странные: мимика дёрганая и блеск в глазах, как у той женщины на рынке. Фёдорыч им что-то объясняет. Мягко так, как доктор тяжелобольным:

– Чуть-чуть подождите. Сейчас подойдёт помощник по тылу. Обязательно поможем. Хоть немножко, но поможем.

Ко мне направился. Надо расспросить, что тут за народное собрание.

– Здравствуй, дорогой. Как первая ночь? Без проблем? Ну и молодцы. А у нас – видишь... Вот беда, беда!

Посмотришь на людей – самому три дня кусок в горло не лезет. А как всем помочь? «Красный Крест» только рекламу создаёт да политику качает, а реальная помощь – мизерная. Гуманитарку привозят – её всю сильненькие да блатные растаскивают. Люди сутками в очередях стоят, дожидаться не могут, в обмороки падают. Чеченцам легче. У них родня в сёлах. Кому совсем неважно – уезжают к своим. В городе всё равно ни работы, ни условий для нормальной жизни. А эти... пока бои шли, по подвалам сотнями от голода и жажды умирали. Вышли из подвалов, а кто их накормит? Где квартиры уцелели – мародёры прошлись. Рады последние вещи за банку тушёнки отдать – а где те вещи? Одна надежда – на нас. А что у нас, склады, что ли? Мы тут уже всё что могли отдавали: перловку, пшено, макароны разные, а всё равно – капля в море... По помойкам бродят, да сейчас и на помойках ничего не найдёшь. На рынках побираются. Вокруг еды ходят, смотрят, оторваться и уйти не могут. А купить не на что... Слушай, ты за сутки хоть немного отдохнул? Что-то выглядишь неважно. Не приболел?

– Да нет, всё нормально. Климат непривычный, жарковато. Ничего, освоимся. Я... я к своим пойду. А насчёт патрулирования попозже зайду, ладно?

– Хорошо, давай попозже. Но всё-таки, дружище, ты в медпункт зайди. Что-то ты мне не нравишься...

Я сам себе не нравлюсь, Валерий Фёдорович. Ненавижу! Ненавижу это тупое самолюбленное животное, стоявшее в двух шагах от смертельно голодной женщины и не догадавшееся протянуть ей хотя бы жалкий пучок редиски.

Сытый голодного не разумеет.

Какие страшные слова.

– Командир, обед готов!

– Что-то неохота, жара, что ли?

– Команди-и-р!

– Давайте пока без меня. Я попозже. Саня... ты вчера ворчал, что нам крупы всякой напихали на целый полк. Всё равно мы её есть не будем. Собери быстренько, да ещё что-нибудь... Там у комендатуры люди голодные стоят...

Мы готовились к этой войне.

Нам рассказывали, как вести себя с местными при проверке документов.

Но среди местных – десятки тысяч русских, украинцев, армян, евреев.

Мы до автоматизма отработывали действия при штурмах зданий и при «зачистке» населённых пунктов. И мы твёрдо усвоили, что в подвал всегда нужно заходить втроём: сначала граната, а затем – ты и напарник.

Но как штурмовать дома и подвалы, в которых укрываются не только боевики, но и чудом уцелевшие под бомбёжками и артобстрелами люди?

Мы изучали методы своего выживания в экстремальных ситуациях. Но представить себе не могли, что будем жевать свои сытные пайки под голодными взглядами истощённых людей.

Нас – сытых, здоровых и сильных – учили защищать этих людей с оружием в руках.

И вот мы пришли.

Ну так что, командир? Ты готов к такой войне?

Татьяна ТЕТЕНЬКИНА

Член Союза писателей России, г. Калининград. Окончила факультет журналистики Белорусского государственного университета. Автор более десяти книг стихов и прозы. Дважды лауреат Калининградской областной премии «Признание», в том числе за разработку и осуществление издательского проекта к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина (1999). Лауреат городской премии «Вдохновение», победитель ряда международных конкурсов, обладатель Гран-при и лауреат Гомеровской премии конкурса «Зов Нимфея» (Крым).

Во здравие

Пахнет весной, и солнце резвится.
Кажется: вдох – и взлечу.
Хочется плакать и небу молиться
В переизбытке чувств.

Хочется верить, что все будут живы.
Главное – живы, а там...
Зря, что ли, вовремя вспаханы нивы –
Хлебушка хватит нам.

Здравствуйте, здравствуйте ныне и присно,
Добрые люди Земли!
Пусть ещё долго последняя пристань
Будет от вас вдали.

Звёзды и чаруют, и манят

Звёзды и чаруют, и манят,
Но моя душа туда не рвётся.
Небо обойдётся без меня,
А земля пока не обойдётся.

Кто с таким же трепетом, как я,
Каждую былинку приглубит?
Сушая и вечная моя –
Не предаст земля и не погубит.

Почва уходила из-под ног –
Было и такое, не скрываю, –
Кто тогда спасал меня как мог?
Может быть, былинка полевая?..

С верой в праведность

Ты, Россия моя, миротворица.
Кто познает беду – к тебе клонится,
К твоему плечу прислоняется,
Твоему уму доверяется.

Все народы тебе – люди Божии.
Только б зла на Земле не умножили,
Брат на брата бы рук не подняли
Да путями бы шли Господними.

Ты не ждёшь за труды величания.
Даже недругам шлешь увещания.
Не всегда, не всем ты понятная,
Но бесчестием не запятнана.

Ты, Россия моя, правдолюбца.
Кто с тобою пойдёт – не заблудится...
Снова те, кому ты – не меч, а щит,
С верой в праведность просят помощи.

Три сестрички

Чуть повеяло весенним теплом –
Светом город стал отмыт добела.
А в лесу после зимы бурелом –
Тяжела была зима, тяжела.

Три берёзоньки ветвями сплелись,
Так и выжили, друг друга храня.
Худо-бедно – а весны дождались
Три сестрички, как в семье у меня.

Зелены пока лишь ель да сосна,
Трудно лесу в одночасье ожить.
Но и здесь уже гуляет весна –
Ощущается, как воздух дрожит.

Я стараюсь даже слов не ронять,
Не шуршать сухой и цепкой травой.
Мне бы только трёх сестричек обнять,
Прислониться к их стволам головой.

Вознесение

Над храмом –
 колокольный звон сегодня
Во имя Вознесения Господня.
Я окна открываю и крещусь –
Я тоже в небо духом возношусь.

Живу я в суете да круговерти,
Но в этот миг
 мне верится в бессмертье,
И множество немислимых потерь
Чудовищным не кажется теперь.

Какая сила в звоне колокольном!
И сердцу то ли сладко, то ли больно.
По небу разбегаются века,
И тянется ко лбу моя рука.

Искорка солнца

День ясноокий, ты был так ярок.
Стой, уходить не спеши:
Искорку солнца дай мне в подарок
Для излечения души.

Пусть засверкает и всколыхнётся,
Пусть от тоски не болит.
Не пожалей мне искорку солнца,
Будет ущерб невелик.

Солнце к рассвету вылечит ранку,
Искра в душе не сгорит.
Встретимся завтра мы спозаранку,
При зарожденье зари.

Полные света, полные силы,
Дружбы своей не тая,
Оба желанны, оба красивы –
Щедрое солнце и я.

День ясноокий, ты был так ярок.
Стой, уходить не спеши:
Искорку солнца дай мне в подарок
Для излечения души.

Любовный венок

Не знаю, куда и откуда
Плывёт этот призрачный свет.
Любовь моя – высшее чудо,
Чудесней которого нет.
Кружусь в этом белом тумане,
В нём лишнее скрыто от глаз.
Есть где-то у Бога в кармане
Счастливый билетик для нас.
Мы пишем и пишем друг другу,
Сплетаем любовный венок.
Пора бы нарушить разлуку,
Да жаль, не торопится Бог.

В парке

Всё мило:
Рожицы парадность,
И ветра шуточный набег,
И – как нечаянная радость –
Воспоминанье о тебе.
Всё мимо:
Было – и не стало,
Ушло без видимых следов...
И этот день почти растаял,
Как несозревшая любовь.

Белые птицы

Что их вспугнуло ночью морозной?
Или согреться хотят?
Белые птицы, как белые звёзды,
В небе неспешно летят.

Крупные птицы. Голуби? Чайки?
Мне из окна не видать...
Вот и проплыли безмолвную стайкой.
Вот уже нет и следа.

В комнате жарко. Стёкла вспотели.
Ночь. На дворе никого.
Чьи-то волшебные сны пролетели
Мимо окна моего.

Ветер лодочку качает

До обиды путь короткий.
Вот и крен житейской лодки.
Бывший друг поднял волну,
Думал – сразу утону.
Крик отчаявшихся чаек.
Ветер лодочку качает.
Тише, птицы, я учту,
Что пробоина в борту.
Слово, брошенное метко,
Цель свою пропустит редко.
Словом выстрелил в упор –
И окончен разговор.
Ветер лодочку качает,
Быстрый ход не обещает,
Не заметил на лету,
Что пробоина в борту.
Сколько будет мне обидно?
Долго берега не видно.
В том хотя бы повезло,
Что не сломано весло.

Спаси и сохрани

Господи, спаси и сохрани
Тех, за кого сейчас
я молвлю слово:
Взрасти побеги древа родового,
Наполни счастьем годы их и дни.

Господи, подставь своё плечо,
Когда моё ослабнет или сгинет.
Когда исчезну в этой дали синей –
Свети им несгорающей свечой.

Господи, дай мира и добра
И дай ума принять им эту дачу...
Я на себя молитвы не истрачу,
Оставшейся на кончике пера.

Господи, несправедно живём,
Но пусть беды вселенской не случится.
Ты не позволяй
однажды ей пролиться
На Землю всё сжигающим огнём.

Ольга ВОРОБЬЁВА

Студентка НИУ ИТМО. Член общественной писательской организации «Росток» г. Советска, с 2019 года член Союза писателей России.

ПЛОХИЕ СТИХИ

Ты пытался звучать, но не думал,
Что все звуки нелепо глухи.
Мы читаем плохие стихи
В чёрный глаз автоматного дула.

Мы не слышали шума прибоя,
Не дарили глазам звездопад.
Мы читаем стихи невпопад,
Убивая напев перебоем.

Нарочито неровным курсивом
Мы, сжимая сангину едва,
Некрасивые пишем слова
И читаем их так некрасиво.

В Лиссабоне, Сеуле, за МКАДом,
Оставляя на картах штрихи,
Мы читаем плохие стихи.
Но тебе ведь хороших не надо.

АВГУСТ

И он вернулся через год (как будто через шесть).
Но, в общем, он не обещал, мол, навсегда останусь.
И вот он весь. Как свежий бинт на раненой душе.
Как в письмах тех: «Ну что ж, привет. Ты не скучаешь? Август».
Такой же точно, как всегда. Котомка за плечом.
Босой. С ухмылкой на лице гуляющий по лужам.
Стоит и смотрит: «Эй, да брось, мне беды нипочём.
Я здесь, ведь ты меня ждала. Ведь я кому-то нужен».

И ты расскажешь обо всём на кухне в пять утра:
О том, как ты устала здесь. О ком кошмары снятся.
Он скажет просто: «Не грусти. Запомни, жизнь – игра».
И ты подумаешь: «Тогда я буду сохраняться».
Рассвет ворвётся в серость стен неведомой тесьмой,
И чайник громко закипит, а кот уронит кактус.
Ты обернёшься: дом твой пуст. Лишь на столе письмо:
«До встречи ровно через год. С большой любовью. Август».

ИЗОЛЯЦИЯ

Бомбоубежище, бункер, укрытие
От новостей и сирен.
Я закрываюсь с последним наитием
В этой квадратности стен.

Здесь мои мысли разбросаны голые,
Острые (я наточил).
А на окне орхидеи тигровые
Редкие ловят лучи.

Пыль подоконник снимает посуточно,
Франции нет за стеной.
Я дискутирую с глянцевой тумбочкой.
Бродский гордился бы мной.

ЛАМПОЧКИ

Нас не догнать, не понять, не выяснить,
Даже не спеть на бис.
Нас не извлечь, не изъять, не вызвать
И не стереть эскиз.

Мы не спасатели, не спасённые:
Нас ведь никто не спас.
Мы – это времени унесённого
Тихий болючий спазм.

Пачкают звёзды блестяще-маркие
Наши с тобой зрачки.
Мы – это мысли бескрайне яркие.
Лунные светлячки.

Мы – это песни печально-старые,
Спетые сгоряча.
Наши сердца не звучат гитарами,
Тикают, но молчат.

Карты, маршруты, заметки, лоции
Нам не вручили, но
Всем вопреки нас ведут эмоции
В светлое полотно.

Нам говорили, мол, вы привыкнете
Тихо со всеми тлеть.
Нет, мы как лампочки. Нас не выкрутят.
Будем ещё гореть.

ТАБУРЕТ

Блики солнца по стенам пляшут,
Растекаются в тёплом свете.
Мне пять лет. Доедая кашу,
Я качаюсь на табурете.

Рядом бабушка свитер вяжет,
Кот гоняет клубок по полу.
Мне не хочется в садик, я же
Подрастаю. Мне скоро в школу.

Дождь сползает по старым окнам,
Серость улицы меркнет в гуле.
Мысли делятся на волокна.
Я качаюсь на школьном стуле.

Детство, видимо, скоро рухнет,
Я боюсь становиться старше.
Но бабуля всё ждёт на кухне,
Чтобы мне приготовить кашу.

Лето. Мне покорять бы скалы,
Позабыть аудит и сальдо.
Но в учёбе хвосты, завалы,
Я вдыхаю пары асфальта.

Больше бабушка мне не вяжет,
Нет и каши, как было в детстве.
Я совсем не взрослею, так же
Всё качаюсь на старом кресле.

Снег зашторил пространство окон,
В поздний вечер течёт суббота.
Стал моим неизбежным роком
Путь с названием «дом – работа».

На плите убежала каша,
В доме тихо, уснули дети.
Я не верю, что стала старше,
И качаюсь на табурете.

СИБИРЬ

Мы отражаем свет. Мы моря гладь.
Но здесь и так не много света выдано.
За нами не приедут, нас спасать
Богам экономически невыгодно.

Мы пепел, мы развеемся в лесах,
Ведь только так мы можем стать свободнее.
Король под боем. Это значит шах.
А мы здесь пешки. Пешки и не более.

Мы наполнялись солью и свинцом,
А вера не была для нас попутчицей.
Стремилась в космос, но за три пятьсот
Приобрести скафандр не получится.

Отсюда не отправиться в бега.
Мы прячемся, скрываемся, мы в домике.
Мы тлеем. Мы – сибирская тайга,
Сгоревшая во благо экономики.

АЛЫЧА

Полудремлющий город немного продрог
В одеяле седых облаков.
Алыча зацвела вдоль вихлявых дорог,
Разлила возле них молоко.

Всё застыло, и лишь вереница планет
Ретроградно скользит по кольцу.
У тебя в волосах медуница и свет,
Этот май тебе очень к лицу.

Наш фургончик «фольксваген».
И стрелка за сто.

Остановка, где всё хорошо.
И весна, как художник за старым холстом,
Заоконное красит ничто.

Мы с тобой наконец научились молчать
И слышали шёпот камней.
Вдоль вихлявых дорог зацвела алыча,
Скоро мы зацветём вместе с ней.

НЕ ПОЭТ

Старый дворник, нахмурившись, сетует:
«Понесло».

Покидая свой дом, я ищу только гомон чувств.
Я совсем не поэт. Я не знаю ни букв, ни слов,
Но беру чистый лист. И опять на него молчу.

Я невежда, дурак, я не знаю аккордов, нот.
Не могу отличить от Беллини «Собачий вальс».
Я не слышал волнующей музыки так давно –
В рюкзаке не осталось мелодий и ёмких фраз.

Я художник от вечного «худо», гуашный мот,
Расточитель сангины, наития и ночей.
Даже чувства давно потерялись, и каждый
жмот

Отдавал мне свои. Этот путь был не мой.
Но чей?

Всё моё подреберье, нутро состоит из тех,
Кто на небе из реминисценций давно погас.
Я совсем не поэт. И на белом моём листе
Только имя твоё, повторённое сотню раз.

ИЗМЕРЯЕМСЯ

Всё дело даже и не в святости,
Не в том, кто ангел, кто злодей.
Мы измеряемся лишь в радости
Нас окружающих людей.

Да, измеряемся улыбками
И чистотой прощальных слёз.
Но ни алмазами, ни слитками
Нельзя измерить наших звёзд.

Мы измеряемся закатами
Прохладных летних вечеров.
Но не измерить нас зарплатами
И даже сотней лестных слов.

Нет, не измерить нас конвертами,
Не счесть валютой ни одной.
Мы измеряемся победами,
Но только над самим собой.

Юлия РУМЯНЦЕВА

Член Союза писателей России, член ОПО «Росток», г. Советск.

Учитель русского языка и литературы в МБОУ «Средняя школа п. Крылово». Победитель и призёр городских, областных и всероссийских литературных конкурсов: конкурса юных поэтов «Филир», Всероссийского поэтического конкурса «Поэзия Шекспировской весны», IV открытого молодёжного литературного конкурса «Поэзия Крылатости», литературного конкурса «Янтарное перо – 2015», межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалея, поэт», Первого областного лирико-патриотического конкурса «Ни Отечества, ни отчества мне другого не хочется...» и др.

Автор книг «Город Непогоды» и «Без четверти осень», один из авторов коллективного сборника «Свет в доме твоём». Член Союза писателей России.

* * *

Никто не ждёт. И всем нет дела:
Спала? Не мерзну? Что поела?
Всем наплевать, а я привыкла
В беззвучном задыхаться крике,
Гулять всю ночь, ходить по трассе,
Всё время находиться в трансе.
Друзья – табак и чёрный кофе –
Туманят мысли каждым вздохом.
Я всё молчу. А в мыслях: «Мне бы
Хоть раз взглянуть на звёзды в небе,
И не одной, а вместе с теми,
Чьи по ночам я вижу тени».
Но всем плевать, а я привыкла
Беззвучным задыхаться криком.
Не сплю. Замёрзла. Нет, не ела.
Никто не ждёт. И мне нет дела...

* * *

Без четверти осень.
Ты знаешь, что это значит?
Небесная просинь
Опять о чём-то судачит.

Там все разговоры
О море и о закате.
Там видно лишь горы,
Их белоснежное платье.

Там слышно лишь ветер,
Его печальные песни
В полуночном свете –
Отнюдь не лучшие вести.

Там падают капли,
Там бьются они о листья.
Там гордые цапли
Расскажут всё, что им снится.

Там солнце ласкает
Макушки зелёных сосен...
...Никто и не знает:
Уже без четверти осень.

* * *

Мой милый друг, ты позволь рассказать
тебе сказку.

А может, не сказку. Это решать тебе.
Жила-была девочка, что не носила маски
И так наивно любила летать во сне.

Её называли чудной, сумасшедшей, странной.
Она улыбалась, звонко смеясь в ответ.
В мечтах углывала за море в дальние страны.
Цвет моря всегда для неё был любимый цвет.

Ну а точнее, такой её видели люди:
Вечно счастливой, смеющейся над собой.
А их ведь за это даже никто не осудит,
И каждому важен лишь свой душевный покой.

А девочка эта, домой приходя с работы,
Шла на балкон и долго стояла одна,
Копалась в себе, в свои погружалась заботы
И слушала, как в ночи поёт тишина.

Раз в пару лет все свои собирала вещи
И уезжала туда, где никто не ждёт.
Смотрела на множество очень счастливых
женщин,
Верила, что однажды и ей повезёт.

Только «везенье» её стороной обходило.
Проблемы всё те же. «Эх, ничего не пойму!» –
Думала девочка. А дело всё вот в чём было:
Всюду возила с собою себя саму.

* * *

Сквозняк в прокуренном вагоне
Гоняет дым табачных мыслей.
Толпа подростков на перроне
Считает порченые жизни.

Ты пьёшь давно остывший кофе,
Крутя меж пальцев сигарету.
В твоей душе, как на Голгофе,
Распят последний лучик света.

* * *

Здравствуй, мой милый октябрь! Ты вовремя
в этот раз.

Твой младший брат мне уже надоел
до чёртиков.

Я ещё не забыла тепло его карих глаз.
Только теперь от дождя укрываюсь зонтиком.

Мой милый октябрь, налей мне чашечку чая.
Имбирного с мёдом, и чуточку брось корицы.
Если мой Свет в раю, скажи ему, что скучаю
И до сих пор собираю себя по крупицам.
Мой милый октябрь, подай тёплый плед мне
и книжку.

Я только так согреваюсь теперь по осени.
Единственный друг – подаренный плюшевый
мишка,
Который ночью твердит, что меня не бросили.

* * *

Сын мой, сыночек, Ваня,
Беги, не жалея ног.
Видишь, за домом баня?
Спрячься за нею, сынок.

Видишь, там злые дяди?
Спрячься и не дыши,
Чтоб не подкрались сзади –
У них уже нет души.

Видишь, за баней тропка?
Она уведёт вас в лес.
Сын тёти Вали, Стёпка,
Вас ждёт, где поставлен крест.

Бегите туда быстрее,
Считайте, это игра:
Вы спрячетесь от людей, и
Вам лес будет вместо двора.

Тебя я найду попозже,
Заботься о малышах.
Им смелость твоя поможет –
Гони от себя свой страх.

* * *

Война подошла к концу.
Ване исполнилось семь.
Посмертно – медаль отцу.
А мальчик один. Совсем.

* * *

Мне бы выбрать, да выбора нет.
Всё решили давно вместо нас.
Мне спросить бы, да ясен ответ...
Раз...

Мне любить бы, да нет больше чувств.
О любви все пустые слова
Вырываются сами из уст...
Два...

Мне уснуть бы, да сон не идёт,
Отчего-то тревожно внутри,
Будто дева морская поёт...
Три...

Мне б дожидаться, да некого ждать.
Я сегодня расплачусь навзрыд –
Ты звонил, уложить меня спать...
Взрыв...

* * *

Покосившийся дом окутан шумом осенним.
Вновь опавшие листья ему одеялом стали.
В эту пору мой лучший друг, как всегда,
Есенин.

В эту пору мои мечты собираются в стаи.

А за окнами яркий пейзаж сменился на дождь.
Настроение: пить чай и дочитывать Бродского.
И от мыслей полуночных тело бросает в дрожь.
А по Первому снова фильм про старого
боцмана

* * *

Он обещал ей любовь, корону и платье,
Дворцы, бриллианты, деньги и царский трон.
Он обещал ей преданность и объятия,
Помощи руку и нежный спокойный сон.

Он обещал увезти её на Мальдивы.
На берегу океана построить дом,
Разбить палисадник и посадить там сливы.
И всех их родных собрать за одним столом.

Он обещал ей: «Ты будешь купаться в злате».
Он обещал ей в отпуск рвануть в Вашингтон...
Эх, как чудесно, когда в соседней палате
Живёт и владеет всем миром Наполеон...

* * *

Шли мне письма совиной почтой –
Я осталась без телефона.
Шли их с голубем, если срочно.
Если нет – карауль у дома.

Если хочешь признаться в чувствах,
Опусти мне записку в ящик.
Или с вороном, если грустно,
Настоящих пошли ромашек.

Шли мне письма с морской чайкой,
Если ты от меня далече.
На листке напиши «Скучаю...»
И отдай мне его при встрече.

Проводи меня до перрона,
Обещай, что приедешь точно.
Я осталась без телефона.
Шли мне письма совиной почтой.

Юрий ФЕДОРИЩЕВ

Родился в 1943 году в Петропавловске-Камчатском. Официально работать стал с 16 лет. Среднее образование получил в вечерней школе, высшее – в военном училище. Участник войны в Афганистане. Путешественник. Литературной деятельностью занялся после службы в армии. Издал четыре книги: «В чужом доме», «Кровавый век», «От Калининграда до Камчатки и обратно», «Вулканы и человек». За свою службу и общественную работу награждён пятью орденами, из них три – боевые.

ИЗ КНИГИ «ОТ КАЛИНИНГРАДА ДО КАМЧАТКИ И ОБРАТНО»

АЛКОГОЛЬНЫЙ ДУЭТ

Челябинская область. Станция Амазар. Замученный вконец, я появляюсь на вокзале. Идти куда-либо поздно и не хочется. Расположился на скамейке. Хочется спать, а есть – ещё больше. Стучу в окошко кассира. Встречаюсь с неприветливым взглядом. Такой безразличный ответ:

– У нас негде спать и нет чая!

– Я же у вас не прошу чая, у меня свой есть. Единственное, нужны розетка и вода. Сделайте, пожалуйста, одолжение, мадам, вскипятите воду в моей посудине.

И протягиваю ей чёрный от костра котелок. Дама в недоумении шарахается от него. Я отхожу от окна и опять сажусь в кресло. Ничего уже делать не хочется. Ни есть, ни пить. Да и сон куда-то стал исчезать. Это бывает, когда ты его перебарываешь. Открываю двухдневной давности газету и принимаюсь за кроссворд. Вдруг открывается слева дверь, и оттуда выходит полная женщина с чайником в руке.

– Вы просили горячую воду? Вот, возьмите.

Она протянула мне электрочайник с водой. «Что за перемена?» – подумал я, принимая «горячительное». Чай поднял настроение, и через некоторое время слова в газете стали расплываться. Но спать мне так и не пришлось. В небольшом зале ожидания какое-то время я оставался один. Касса закончила свою работу, кассиры разошлись по домам. В помещении наступила тишина, я стал засыпать. Как вдруг послышались крики, закрипели двери, в зал ввалилась ватага подростков с играющим на всю громкость магнитофоном. Не обращая внимания на меня, они шумели, курили, а потом под воздействием «Гоп со смыком» начали танцевать.

– У вас что, клуба нет? – спросил я пятнадцатилетнюю красавицу крупных размеров.

Она посмотрела на меня и засмеялась.

– Какой клуб, дядя? – ответила вопросом на вопрос черноокая дивчина, а в глазах так и

читалось: «Вот чокнутый старик, наверное, из другого мира на землю спустился».

Я уже не пытался задавать дурацкие вопросы, а молодёжь между тем громко веселилась под музыку звёзд современной эстрады, задымляя пространство сигаретами. Нет, я не скажу, что молодёжь была плохая, невоспитанная, беспризорная, по крайней мере, они ко мне не приставали и дурно от них не пахло. Побесившись с часок, орава тем же составом убыла в другое место. Ещё долго до меня доносились звуки «рок-н-роллов». Я вспомнил своё детство. Оно такое же было бесхозное, что и сейчас, так же стремились к коллективным сборищам, укромным местам. У нас было очень мало культурных заведений, не было музыкальной радиоаппаратуры, мы были плохо одеты и недостаточно хорошо воспитаны. Сегодняшняя молодёжь «вооружена» на все сто тем, чего не было у нас, однако виды досуга весьма примитивны и не отличаются разнообразием как в духовном, так и в физическом плане. Культурное развитие сегодняшнего общества, особенно в провинции, ниже критической отметки. Безграмотность растёт с быстротой запуска ракеты. Неизбежно грядёт время ликвидации безграмотности по методам «железного Феликса». А где обнищание умов, там усиление роли спецлагерей, колоний. Ускоренная подготовка «новых Макаренко» и восстановление «Педагогической поэмы».

Я на этом не стал бы заострять внимания, если бы не два новых посетителя, вошедших в зал ожидания. Невесёлое соседство, с невесёлыми физиономиями, похожими на вишнёвый сок. От них разило за версту. Возраст определению не подлежал. Они сели на противоположный ряд скамеек и уставились помутневшим взглядом в меня. Мне стало не очень уютно. «Не хватало ещё такой компании, – с раздражением подумал я, – плакали мои сны». В моих руках снова оказались газеты. Но тупой взгляд соседей не давал сосредоточиться, мысли расплывались в тревожном ожидании. Нутро подсказывало, что что-то должно произойти. Создавалось невольное напряжение.

– Дед! – Слышу голос одного из компаньонов, поднимаю голову: ко мне ли? Точно, пьяный взгляд скользит в мою сторону. – Дай закурить!

– Не курю, – отвечаю я неохотно.

– Он не курит, Мишка, – говорит один другому и поднимается.

– Иди, Колян, дай ему по роже, пусть не врёт.

Колян, покачиваясь, подходит ко мне и, дыша перегаром, цедит сквозь зубы:

– А чё у тебя в мешке, водка? Может, раздавим по одной? – Его грязные руки тянутся к вещмешку.

– Паря, отвали! – говорю я ему и отталкиваю руки в сторону. – Нет здесь никакой водки. Иди, откуда пришёл.

– Мишка, он дерётся. – Его рука тянется к моему лицу.

Со стороны доносится голос напарника:

– Я говорил тебе, дай ему в морду!

Но я не стал дожидаться, пока рука коснётся лица. Резко опускаю подбородок и, поднимаясь, ударяю его головой под дых. Тот, перебирая ногами, отлетает назад и с силой плюхается на сиденье рядом со своим другом. Сиденье с громким жалобным скрипом поглощает грузное тело. Затылок прилипает к стене. Тяжёлый вздох и стон. Напарник вскакивает и устремляется в мою сторону, но на полпути в нерешительности останавливается, топчется на месте и наконец поворачивается к своему собутыльнику.

– Никол, ну ты как? – И дёргает того за рукав. – Ты как? Всё нормально? Я же говорил тебе, не трогай его. Он же бешеный. А ты? Ну ладно, вставай! Пойдём.

Никола, морщась и потирая затылок, поднимается и бормочет:

– А чё я? Я же не трогал его. Чё он меня?

Так, поддерживая друг друга, оба мужика исчезли в дверях. Я расслабился, но сна уже не было. Так и просидел до утра в ожидании новых приключений. Рано утром, не искушая больше судьбу, сел на пригородный поезд, который довёз меня до Чернышевского.

НИЩИЙ БОГАТЫЙ КРАЙ

В районном центре я прежде всего отоспался. Потом встретился в военкомате с «афганцами», которые попытались предложить мне помощь с железнодорожным транспортом, но я отказался. Мы поговорили, съездили на кладбище, постояли у могил двух ребят, погибших в Афганистане, и рано утром я вышел на трассу. Это была уже не тропа, не дорога с заболоченным заросшим кустарником и лесом, а настоящая трасса. По ней транспорт двигался редко, но гораздо чаще, чем на той, по которой я два дня назад прошёл. Слабо пересечённая местность открывала далёкие просторы. Да и погода благоприятствовала хорошему настроению. Так что 50 километров пролетели без особого напряжения. Время подходило к пяти часам вечера, и я стал подумывать об устройстве. Не надеясь, в принципе, на попутный транспорт, всё же делал слабую отмашку рукой, но водители проезжающих машин не реагировали. Впереди, за косогором, замаячили дома, показалось небольшое село. Приободрился. Однако ночевал всё же в Чите. Очередное везение! Сколько его ещё будет впереди. Обогнавшая было меня вазовская «девятка» затормозила. Думал, не по мою душу, но молодой парнишка, сидящий за рулём, окликнул:

– Эй, батя! Ты голосовал?

– Вроде как, – ещё сомневаясь, начал я, но потом решительно: – конечно. Подбросишь меня до Шилки?

– Садись!

«Как прекрасен этот мир!» – пронеслись в голове слова песни. Устроившись рядом с водителем, я помчался дальше. Вытянув ноги и закрыв глаза, откинулся на сиденье.

– Вы кто?

– Федорищев Юрий Матвеевич, путешественник.

– Долго в дороге?

Пришлось рассказать свою эпопею.

– Меня звать Олег! – представился парень. – Еду в Читу. Я там живу. Занимаюсь

мелким бизнесом. Квартиру у меня недавно обчистили. Пахал, пахал, а какая-то сволочь ободрала как липку.

– Может быть, свои же?

– Было подозрение на одного, милиция сейчас разбирается.

– А что же ты меня подобрал? Не боишься? Или тебе плату за проезд надо?

– Нет! Что вы! Вначале, может, и думал, а сейчас – ни за что. Наоборот, предлагаю ехать со мной до Читы. А то от поворота до Шилки вам ещё топтать километров тридцать надо.

– Мы что, через Шилку не едем?

– Нет, дорога прямая. Эта новая, достраивается. Не на всех она картах есть, – просветил меня Олег.

Я даже не мог предположить такого. С хозяином машины быстро нашли общий язык. Парень оказался добрым и разговорчивым. Подъехав к повороту, он меня ещё раз спросил о поездке в Читу. Всю дорогу я думал об этом и под конец всё же решил ехать до областного центра. Не захотелось мне покидать уютное гнёздышко. Олег почему-то обрадовался моему решению и пригласил меня попробовать в дорожном кафе-юрте бурятских мантов. Потом, узнав, что мне надо будет искать пристанище, предложил для ночлега свою квартиру. Было ещё светло, когда мы появились в окрестностях Читы.

– Сейчас я вам покажу один дачный домик, – сказал он мне и остановился. – По-моему, здесь.

Мы обошли забор у дороги и углубились в сосновый бор. И тут я увидел за деревянным забором, в глубине дачного участка, небольшой по площади, но высокий и восхитительной красоты дворец. Пробивающиеся сквозь сосны лучи заходящего солнца ещё больше подчёркивали изящество художественного исполнения и воздушную стройность ручного творения.

– Кто же это чудо-сказку сотворил?

– Один простой советский инженер, – отвечал мне Олег уже в машине, – строить стал в

начале 80-х годов. Ну и досталось ему от властей за самодеятельность. А газеты в то время что только не писали о нём! Растратчик, расхититель, чуть не враг народа...

Полюбовавшись домом, мы отправились дальше.

Вдруг Олег стал внимательнее посматривать в зеркало заднего вида. На его лице и в поведении появилось беспокойство. Оно невольно передалось и мне. Я оглянулся и увидел чёрный джип, догоняющий нас.

– Что происходит? – спросил я Олега.

Он, не отвечая, прибавил газ и начал выжимать максимальную скорость. Взгляд напругся, губы сжались, лицо побледнело. Глаза почти не отрывались от зеркала. Но от джипа нельзя было убежать, он надвигался на нас, словно чёрная дождевая туча.

– Держись крепче! – сквозь сжатые зубы приказал он мне и тут же крутанул руль вправо и нажал на тормоза.

Они завизжали. Машину подбросило, и она замедлила бег. По инерции я чуть не вышиб лбом переднее стекло, хотя был готов к этому. Джип, словно ракета, со свистом промчался мимо наших жигулей, чуть не задев их.

– Что это, гонки? – спросил я.

Олег вывел машину опять на асфальт.

– Какие гонки, шпана балуется. Чуть зазеваешься – помнут бока или в кювет сбросят. Для нас джип что танк, а для них удовольствие попутать людей.

Дорога стала круто спускаться вниз, перед нами открылась панорама областного центра. Лесные массивы как-то внезапно отошли назад, и мы выехали на улицы города.

В Чите я пробыл два дня. Олег повозил меня по нему, показал некоторые достопримечательности. Что мне запомнилось больше всего – это огромный крест на самом высоком месте, рядом с ним скульптура оленя. Хотя на гербе города бычья голова. Наверное, за предыдущее время произошла переориентировка ценностей. Однако основное богатство, когда об-

разовывалась Читинская область, заключалось не в крупном рогатом животном, а в природных ресурсах этой земли: серебре, золоте, пушном звере и лесе. Немаловажное значение сыграл и сам город как центр торговых отношений с Китаем. Но, проходя по области, разговаривая с людьми, наблюдая за их жизнью, я не заметил хотя бы среднего достатка граждан столицы Забайкалья. Скорее наоборот, в сравнении с другими пройденными мною районами область мне показалась самой нищей и отсталой. Поневолле возникал вопрос: почему? Все указанные выше богатства не исчезли, не испарились в лесной глуши. Разве что пушного зверя стало меньше да тигр стал редким гостем.

В администрации города очень приветливая женщина-чиновник подарила на память книгу «Летающий из глубины веков» об исторических гербах нескольких городов Сибири и Дальнего Востока. Очень жалею, что не побывал в некоторых из них: Нерчинске, Кяхте. Последний представлялся мне глухой, тёмной большой деревней, где жить по-людски невозможно. Такое впечатление создалось у меня из рассказов моих сослуживцев, в советское время проходивших там службу. Однако, как выяснилось, это города с огромным и славным прошлым, которое создавало могущество нашей сегодняшней России. Жаль, конечно, что государство не может организовать создание сборника «Образование Российского государства» для самого широкого круга общественности, чтобы он был интересен и понятен любому гражданину, мог бы находиться в каждой российской семье, являясь настольной книгой и справочником. У России есть всё: природа, богатая история, прекраснейшая территория, освоенная и населённая мужественным, беспрельдно терпеливым народом. Чего нет, так это уважения к стране и её историческому прошлому, умения управлять во благо народа и государства в целом, желания с гордостью называть себя гражданином России и не быть униженным, обездоленным и нищим.

Екатерина МАНТУРОВА

*Родилась в 1984 году в г. Немане Калининградской области, живёт в г. Калининграде.
Член Союза писателей России. Член Совета молодых литераторов Калининградской области
СПР. Автор пяти сборников стихотворений.*

* * *

Сентябрь ворвался в город, не спросив,
Лизнул пакет у мусорного бака,
Рассыпал по дорожкам чернослив
И, как ребёнок, горестно заплакал.

Пролился с неба сахарный сироп –
Бока машин как кожа у касатки,
А клён в окне приобнимает столб,
Натягивая жёлтые перчатки.

И крыши будто корка пирога,
И суета на рыночной арене,
Троллейбусы закинули рога
За спины, как железные олени.

Всё как всегда – калининградский гам,
И день всё так же катится монетой...
Но как каштаны падают к ногам,
Стихи приходят осенью к поэтам.

* * *

Когда в последний раз пройдёт по кругу
С кленовой пятернёй на лбу трамвай
И в бузине засевшие пьянчуги
Промямлят еле слышно: «Наливай»,

Когда повсюду высыплет лиловым,
Зелёным, синим светом фонарей,
Я призову божественное слово
Из тишины каштановых аллей.

Оно вспорхнёт, как голубь в подворотне,
Прошелестит рекламной шелухой
И станет на бумаге беззаботной
Словесной стихотворной чепухой.

И первая сентябрьская прохлада,
И отголоски джаза из кафе,
И здания немецкого громада,
И человек, идущий подшофе, –

Всё попадет в словесный мой гербарий,
Растянется шеренгами столбцов:
Лимон луны на мокром тротуаре
Среди осколков звёздных леденцов,

Опущенные веки хачапурных,
Потухший прищур хищных фар авто
И на деревьях охристый, пурпурный,
Бордовый, апельсиновый драп пальто...

* * *

Сесть бы в синий «фольксваген» и дёрнуть
В позабытую рыжую глушь,
Где светила, как зёрна попкорна,
Осыпаются в блюдечки луж,
Где нажаты все в мире «делиты»
И повсюду звенит тишина,
Где дождём, словно лаком, облиты
Ивы, плача, жуют удила.
Где оставленный в комнате гаджет
Всё звонит и звонит целый день,
А каштаны свои патронташи
Обнулят, ты их только задень,
И посыпятся гулко патроны
На морщины асфальта и на
Заржавелую крышу фургона
С диким стуком, как будто война!
Где коты одноглазы и дики,
Мокроносы и радостны псы,
И в колючих сетях ежевики
Воробьи наостряют носы.
Где бабуля на лавке у дома
Смотрит вдаль, теребя край платка,
Где мне с детства до боли знакома
Седина у волос завитка...

* * *

На улице Руставели
Под аркой былых времён
Мы, как воробьи, апреля,
Друг к дружке прижавшись, ждём.
И падает неотменно
Под ноги нам первый снег,
На круглый поднос антенны,
На прищур машинных век,
На дворников в рыжих робах,
Похожих на двух щеглов,
На мусорную утробу,
На чёрную вязь стволов...
И холодно невозможно,
И белому нет конца.
О, как мы с тобой ничтожны
На самом краю крыльца
По улице Руставели,
Где город который год,
Привыкнув к зиме, апреля,
Как кот подаянья, ждёт.

ЁЛОЧКА

Надену шарф и выйду за порог,
В январское открытое пространство.
И новый день освободит курок
С завидным хладнокровным постоянством.
Он выстрелит, не думая, в упор.
И я, уже мертва, войду в маршрутку
И не замечу скрежета рессор,
Вворачиваемого в пустоту желудка.
Ни запаха просаленных волос,
Ни перебранки пьяницы с водилой,
Что ёлочка под зеркалом всерьёз
Напоминает маятник кадила...
Похожа на бездушный метроном,
Который остановится неожиданно,
И серая реальность за окном
Вползёт по эту сторону экрана.
О, если б мне не надо каждый раз
Завязывать на шее шарф-удавку
И, получив очередную пулю в глаз,
С такими же, как я, толкаться в давке
И ждать, когда замрёт наверняка
Под зеркалом вонючая висюлька

И чья-то очень сильная рука
Раскрошит моё тело, как сосульку.
Но начат день. Маршрут неотвратим.
И я с него ни разу не сходила.
Везёт меня водитель Никодим,
Качается картонное кадило...

БАБКИН ЦВЕТОК

Старуха продаёт герани,
И Симонова, и Золя,
Солдат, которыми играли
Когда-то в детстве сыновья.

Сидит на старом табурете
И шамкает беззубым ртом,
Монеткой водит – есть примета,
Что всё легко продаст потом.

Но к вечеру опять ненужным
Остался весь старухин хлам.
И тянет вновь она натужно
Свою тележку по дворам.

Придёт. Продавленное кресло
И старой лампы мутный свет.
Глаза прикроет. Вновь воскреснет
Уже давно умерший дед.

Подсядет: «Продала что нынче?»
Она в ответ махнёт рукой.
«Возьми в пакете, вон, гостинчик
И собирайся на покой».

Лежит одна в кровати общей,
Как на дрейфующем плоту.
Так беспокойно этой ночью,
Что ей совсем неважно.

А я решила, нет красивей
Цветка, чем бабкина герань,
И в непривычном мне порыве
Уже не сплю в такую рань.

Но маленькой сухой старушки
Как будто и в помине нет.
А кто-то разложил петрушку
На колченогий табурет.

БАБА ЗИНА

* * *

В тёмной церкви оплавилась свечи,
Волооко иконы глядят...
Бабе Зине идти недалеко:
В коридоре накинёт на плечи
Стариковский узорчатый плат.
Будет шаркать в изношенных бурках,
Чтобы к службе со всеми поспеть,
А навстречу ей выбежит юрко
Исхудавшая пёстрая Мурка,
Ожидая привычную снедь.
«Ешь, родимая, разве мне жалко? –
И заглянет в кошачьи глаза: –
Ну, красавица! Ишь ты, нахалка,
Вечно вертисься рядом, как прялка,
Помолюсь за тебя образам.
Может, тоже детей ты теряла?..
Мальчик, Митенька, года не жил.
Я потом уголком одеяла
Куклу долго ещё пеленала...
Не поверят, кому расскажи».
В тёмной церкви безмолвны иконы,
Бабка крестится, в храм семеня...
Когда будешь склоняться в поклоне
Большеглазой печальной Мадонне,
Баба Зин, помолись за меня!

* * *

И млеет под солнцем бродяга-март,
И звуки отчётливее, и звон
Стоит в голове. И колодой карт
Летят мои мысли вон.
И кошки мурлыкают невпопад,
И первый подснежник невинно свеж,
И город устраивает парад
Как есть, без своих одежд.
И голые ветки торчат вокруг,
Вороны устраивают им бой...
А ты не смотри на своих подруг,
Меня заberi с собой.
Рванем по Шпандину. Залива синь
Коснётся ладоней, коснётся стоп.
И наши моторы сожгут бензин
Нон-стоп.

Раскрути спираль обратно,
Запусти отсчёт.
Там игрушки в жёлтой вате,
Крутится волчок.
В поле том не клевер – кашка.
Куручка, петух.
И губою мягкой Машка
Хлеб берёт из рук.
Собери и склей покрепче
Старый календарь.
Солнце, жги худые плечи!
Не жалея, жаль!
Я всё выдержу, всё сдюжу –
Много было бед.
Разреши опять по лужам
Гнать велосипед.
Спать ложиться в тёплом сене,
С ёлок есть смолу,
В рамочке Сергей Есенин
Пусть грустит в углу.
Тихо-тихо, только слышу
Ходиков отсчёт.
Дочка спит, как будто мышка,
Времечко течёт...

Любовь МАЗАЛОВА

Член Союза писателей России. Родилась в городе Пологи Запорожской области в 1952 году. Окончила филологический факультет Запорожского педагогического института. Живёт в Калининграде. Изданы книги: «Жизнь, сотканная из слов» (2007), «Любовь никогда не перестаёт» (2012), «Непознанная душа» (2019).

С верой в Русь...

С ВЕРОЙ В РУСЬ...

Баллада

Где леса да травы полевые,
Заблудилась ты, моя Россия:
Здесь тропинок торных не сыскать,
Серебром здесь плещется река.
Неизменно радужен восход,
Золотой закат из года в год.
Здесь течёт воды святой родник,
В жажде путник к роднику приник.
В изумруде трав у берегов,
В кружевах ромашковых лугов –
Утренняя россыпь белых рос
И пьянящий ранишний покос –
Просто всё: река, луга, поля...
Это Русь – священная земля!
Здесь озёр прозрачная вода...
Ждёт людей пшеничная страда –
С караваем будет наш народ...
Здесь берёзок стройный хоровод.
Тешит душу колокольный звон,
Тихая молитва у икон.
Русь моя – во злате купола, –
Только б ты, родимая, жила!
Здесь природа – первозданный рай,
В кладовой – богатства через край.
Любят здесь под трели соловья,

Здесь мы все почти одна семья.
А людей – что в шумном улье пчёл:
Каждый здесь пристанище нашёл.
Есть другие на земле пути –
Лучше, чем Россия, не найти!
Счастливы птенцы своим гнездом,
А Россия людям – общий дом.
У народа общая судьба:
Боль войны, и радость, и борьба.
Перед всеми цель стоит одна:
Жить и процветать должна страна!
Претерпел народ немало бед –
Помнит Русь все беды страшных лет.
Пепла, крови видела сполна...
Родина – как мать – у нас одна.
Хоть «умом Россию не понять»,
Красоты и мощи не отнять.
Что хранит седая старина,
Задушевных песен глубина?
Жив уклад отцовский на века
И певучесть речи, языка.
Мудрость слова русского жива –
Где найдёшь красивее слова?..
Все невзгоды, горе и печаль
Время унесёт в седую даль...

Эту песню добрую пою
С верой в Русь священную мою!

№ 1 (52) январь 2021

РОССИЯ

* * *

Мне бы только чуточку покоя...
 Прошепчу я травам и цветам:
 «Лишь на миг прижаться бы щекою
 К маминым натруженным рукам.
 И воды студёной из колодца
 Мне б испытать, по лугу побродить...
 Мне бы в будущем – немного солнца,
 Прошлое устала беречь...»

Сколько б жить ни осталось –
Я в тебе прожила
Жизни самую малость, обрета два крыла...
И ещё летаю над Россией моей,
В тишине помечтаю над простором полей...

Я тебя воспеваю, ту, какая ты есть:
Ты богата душою – вот в чём слава и честь!
Ты и нежная мать, и строга ты порой,
Гостю – щедрая скатерть,
Круг спасательный мой.

Не понять, не постигнуть мне натуру твою.
Но хмельную и мудрую я тебя узнаю
В задушевном напеве – за живое возьмёт, –
Залихватская пляска
Пылкой страстью проймёт...

Ты в мятежное время умирала не раз
И страдала от боли, нестерпимой подчас.
Но небесная сила возносила твой стяг –
Отступал перед Русью опрокинутый враг.

Вновь из праха воспрянув,
Тот рубеж перейдя,
Обновлённой сияла, словно после дождя.
Люди снова рождались
в крепкой, светлой избе,
И ты в каждом осталась,
мы – остались в тебе...

ЛЕЙТЕНАНТ КРУГЛОВ

Правда, в остальном – живой. Скоро, говорят,
домой...
Знамо дело, не солдат – не поднять и автомат.
А намерен передать, что представили к
медали...
А Петро, второй мой номер, от потери крови
помер;
Жизнь – она ж такая штука: ей молитва –
не наука.
Всё хранил с собой иконку, перекрестится
в сторонку:
«Боженька меня хранит!..» И вот на тебе –
убит...

А моей не говорите – что-нибудь с письма
наврите:
Ну её, Тамарку, к ляду... Может, справят мне
протез –
За баранку сяду.
...Я-то что? Другие вон – на культяпках в хату.
Поломала жизнь война русскому солдату...

Вы там шибко не горюйте – я в здоровой
форме,
И кормёжка неплохая: хлеб и сахар в норме.
Самодейтельности вот наезжают часто...
Наши в Пруссии уже – скоро немцу баста!..
Марк Бернес здесь выступал – аж слезу
пробило:
Вроде бы всего лишь песня – а какая сила!..

Батя жив: письмо пришло где-то из-под
Минска.
Переводят их рембат в Первый Украинский...

Интересно, есть ли наши, кто вернулся
с фронта?
Это правда, что погиб Ванька Ферапонтов?
Как терпели под фашистом вы такое время?
Фриц же пол-Полесья, гад, сжёг к ядрене фене...

Счас пишу, а сам не знаю, помер кто, живой?
Возвернусь, а вместо дома – только печь
с трубой?..

Наш район уже давно вышел с оккупации...
Как же я хочу прижаться к нашенской акации

Да сходить на Веркин дол – полежать в траве...
Здесь с тоски дрянные мысли только в голове...

Что-то я совсем раскис... Почерк-то не мой –
Хорошо, сестричка Валя пишет всем домой...

Крепко всех люблю, целую. Ждите под апрель:
Привезу галет, тушёнку и отрез – фланель.
Век, что ль, убиваться мне, что рука была?
Главное – страна б стояла, ты бы, мать, жила.
И Победа бы скорей, Гитлеру б – хана...
Да чтоб внуки не забыли, что была когда-то
в мире

Страшная война.

* * *

Заменила тишина стрельбище вселенское,
И с Рейхстага передан красный флаг в музей.
Потянулись по домам псковские, смоленские,
Сохранятся карточки фронтовых друзей.

А солдаты в комнатах ходят – пригибаются:
Им всё окопы кажутся на передовой...
Не успел отец пригнуться в том бою под Прагою –
Миномётчик третьей роты, в званье «рядовой».

С пацанами бегал я к поездам на станцию –
Может, батя возвратится и откроет дверь:
«Вот он я, сынок, живой! Ни одной царапины!
Ну а то, что был убит... этому не верь!»

А война закончилась вечною победою,
И от пороха очистил небеса салют.
И мужьям вернувшимся стелют бабы новое,
За безвестных молятся, за погибших пьют.

Василий ПЕТУШКОВ

Родился в 1944 году в Беларуси. Служил на Северном флоте. Окончил ВВМУ подводного плавания им. Ленинского комсомола в Ленинграде. Служил на Тихоокеанском и Балтийском флотах. Совершил на кораблях ВМФ России 30 боевых служб. Закончил военную службу в звании капитана второго ранга.

Член Союза писателей России. Публиковался во многих коллективных сборниках, в том числе Москвы и Санкт-Петербурга. Издал пять своих поэтических сборников, один из них – «Любовь и море» – был рекомендован для издания в серии «Библиотека правительства Калининградской области». Лауреат премии имени поэта Алексея Лебедева, конкурса «Патриот земли Российской» имени Александра Невского (г. Калининград).

Я с морем бываю в разлуке недолгой

О КРАЙ РОДНОЙ!

О свет берёз! Раздолье луга
И колокольчик под дугой.
К тебе с разлуки, словно к другу,
Спешу я, край мой дорогой.
На взгорье выцветшая школа,
Оглохших классов тишина.
Касаясь клавиш частокола,
О чём-то думает луна.
Щемящий скрип косой калитки:
Там юности метнулась тень
Иль от крылечка ветер прыткий
Бесшумно скрылся за плетень?
Изведав радости и боли
Солёных голубых дорог,
Я счастлив слушать песни поля,
Шмыгнув на зорьке за порог.
И любоваться, как для взлёта
Готовят крылышки шмели,
И ощущать вдали от флота
Всем телом теплоту земли.

ЭТОТ ДЕНЬ

Дед одиноко в доме жил.
В деревне – первый старожил,
Ко мне был матери добрее.
А в праздник грел его ладонь
Медалей боевых огонь,
И флаг вдали незримо реял.
Мальчишка, что тогда я знал?
Липучкой к деду приставал
И тормозил за брюки деда,
Любуясь солнечной игрой
Наград. «Ты, дедушка, герой!
А что такое День Победы?»
Он улыбался широко,
И поднимал меня легко,
И прижимал к груди могучей.
Я слушал гулкий сердца стук –
Неутомимой жизни звук,
А он шептал мне: «Внучек, внучек...»
Слезились старые глаза.
Скрипела жалобно кирза,

Когда дед тихо шёл к буфету:
Хранил он бережно альбом.
Солдат, окопы, взрывы бомб –
Мы подносили ближе к свету.
Среди безоблачного дня
Смотрели немо на меня
Войны Отечественной беды.
На мой вопрос дал дед ответ:
«Их нет в живых... и этих нет...
Вот что такое – День Победы».

РОДИНЫ ПОКОЙ

Любимая! Не виновата
Ты в том, что грустью я томим
По ласковым глазам твоим,
В лучах сиреневых заката
Один у рощи сиротливой
Брожу тропинкою рябой.
Угрюмо кашляет прибор
Седыми бронхами залива.
И мой корабль на внешнем рейде
Антенны тянет к облакам,
И голос чайки к морякам:
«Озябла! Люди, обогрейте!»
Ты нынче так же одинока,
И я с тобою быть мечтал,
Но снова боевой сигнал
Меня в поход позвал до срока.
Служу я Родине родимой!
Её покой и твой покой
В моей профессии морской –
Пока живу – неразделимы.

ОСЕНЬ

Жужжала жалобно, дрожала
Пчела, цепляясь за цветки,
В желанье жгучем жадным жалом
Цветков листала лепестки.
Берёзы зябли, платья сбросив,
По-лисьи листья мчались вдаль,
И со стволов янтарных сосен
Стекала светлая печаль.

БЛАГА СЛУЖБЫ

Я с морем бываю в разлуке недолгой,
А радость от встречи – горячей волной.
Душа замирает, когда я с восторгом
Любуюсь простора живой сединой.
От гибели верной брони миллиметры,
Расплавленный солнышком вала свинец.
Зубами приросшие к палубе ветры,
Да благо служебное – звёздный венец,
Да грузом погоны с железной звездой,
Улыбка любимой в луче золотом –
Служу между небом и горькой водою
Стране, осенённый небесным крестом!

ШТОРМ

В кают-компании покой опять.
Дрожат от качки бледные плафоны,
И потемневший череп телефона
За номером учётным двадцать пять
Молчит. Иллюминаторы задраены
И штормами завешаны, как травами.
Лоснятся спины гладкие столов
Под коридорной лампы мутным
взглядом.

У шкафчика белеют рафинадом
Три скатерти, напоминая кров
Родимый в океане экипажу.
Врезаясь в пенную тугую пряжу,
Гудит от напряжения металл
Широкой палубы на зычных волнах.
Нептун – пастух бессонный ветров
вольных –

Здесь правит свой девятибалльный бал.
В душе презрев и тошноту, и стужу,
Откроешь люк, чтоб выглянуть наружу –
Солёных ветров звёздная пора.
Сшибаясь лбами белыми безумно,
Валы несутся по спардекам шумно

Виталий ЧЕРНУХО

Родился в 1930 году в г. Брянске в семье военнослужащего. Окончил Ленинградское военно-морское училище, затем – Высшее военно-морское Краснознамённое орденов Ленина и Ушакова училище им. Фрунзе. Служил на Северном флоте, а с 1958 года – на Балтийском. Уволился в запас в 1977 году, работал в Запробпромразведке, в геодезической службе и на судоремонтном заводе. Проживает в г. Калининграде. Пишет стихи, поэмы, баллады, рассказы. Много публикуется, имеет отдельные сборники. В 2008 году стихи были включены в антологию «Поэзия военных моряков», изданную в Санкт-Петербурге. Член Союза писателей России.

Мы выразить часто бываем не в силах...

КОСЫНКА

Над причалом голосом старпома
Разнеслась команда: «Трап убрать!»
Покидать порог родного дома
Для похода нам не привыкать.

У него обычно есть начало.
И оно для всех нас настаёт
В миг, когда с бетонного причала
Трап перемещается на борт.

В этот миг взлетают флаги к ноку
И оркестр играет громко марш.
Так обычно в дальнюю дорогу
Отправляться должен экипаж.

Рядом с бортом около причала
Ширится разлуки полоса...
То, что ты, прощаясь, не сказала,
Мне сказали милые глаза!

В них всегда в минуту расставаний
Грусть не прячет горькую слезу.
Я твой взгляд прощальный в океане
Через четверть века пронесу!

Пальцы с шеи сдёрнули косынку,
И её пролётный ветер рвёт.
Так в России жёны по старинке
Провожают суженых в поход.

Но уже не сжать в ладони руку,
Даже если очень захочу.
Скоро я знакомую фигурку
На причале вряд ли различу.

Мы пока уходим самым малым,
Но всё больше след за кораблём.
И твоя косынка над причалом
Синим расплывается пятном.

НОЧЬ

Опять нам грозит заморочка –
На нас надвигается шторм.
Ещё одна трудная ночка
Нас пробует взять на излом!
Бесчинствует ветер в отяжках,
И крепнут удары волны.
Спят в кубриках парни в тельняшках
И видят хорошие сны.
Им снятся далёкие скверы
И лица любимых подруг...
Но щёлкнули секундомеры
В ладонях старпомовских рук!
Сейчас и задолго до срока
Прервутся матросские сны.
Команду в мгновение ока
С постелей сорвут ревуны.
Ремни затянув по дороге,
От коек ещё не остыв,
Они по сигналу тревоги
Займут боевые посты.
И вмиг оживут циферблаты,
Взметнётся бурун за кормой.
Слова командирской команды
Начнут тренировочный бой.
Испарина ляжет на робы.
Не скоро нагрянет отбой!
Чем жарче минуты учёбы,
Тем легче окажется бой.

УРАГАН

Над океаном мрачный небосклон.
По радио звучат плохие вести.
На нас идёт тропический циклон,
Что получил в эфире имя «Бэтси».

Так повелось в былые времена,
Что самым злым и грозным ураганам
За буйный нрав давали имена,
Присушие по праву только дамам.

Мы всем морским традициям верны,
Но оттого нисколько нам не легче.
Всё яростней крутой размах волны,
И ветер всё напористей и резче.

До центра бури ровно двести миль.
Мы на него нацелены форштевнем.
А ветер, обращая брызги в пыль,
Срывает с волн клокочущие гребни.

Стеной дождя, насколько видит глаз,
Как пологом сплошным, укрыты дали.
Мы ураган встречаем в первый раз,
Хоть нас штормами удивишь едва ли!

Над мачтами рвёт небо гулкий гром,
Его раскатом воздух переполнен,
И всё пространство мрачное кругом
Посечено клинками ярких молний.

ВЕНКИ НА ВОЛНЕ

Соблюдая традиции флота,
Покидают причал моряки,
Чтобы в море торжественно с борта
Опустить в честь погибших венки.
Мы обычно по памятным датам
В место давней их гибели шли –
В те края, где погибли когда-то
В скоротечном бою корабли.
Там, где море их в бездне укрыло,
Не поставишь ни крест, ни помост.
Только ночь над их братской могилой
Зажигает скопления звёзд.
Штурман точно рассчитывал место.
Мы стояли под ветром тугим,
И блестящие трубы оркестра
Исполняли над павшими гимн.
Приспускалось полотнище флага,
И командовал этим старпом.
На глазах наших – чаек ватага
Над венками кружила потом.
Говорят, в них вселяются души
Павших в жарком бою моряков –
Ведь не зря чайки с криками кружат
Над зелёным овалом венков.
Павшим в море земных благ не надо,
Им достаточно славы вполне!
Но одна и для них есть награда –
Это наши венки на волне.

Ларион ЗЕМСКОВ

Родился в 1946 году в деревне Завысочье Крестецкого района Новгородской области, в семье рабочего. В 1968 году окончил военное авиационно-техническое училище при Рижском ВВИАУ имени Я. Алксниса по специальности «Техническая эксплуатация радиоэлектронного оборудования самолётов». С 1968 по 1991 год служил на разных должностях в частях ВВС СССР. С августа 1991-го – пенсионер Министерства обороны. Занимается литературным творчеством, изучает иностранные языки, коллекционирует памятники письменности и литературы. Член Союза писателей России. Автор пяти книг юмора.

ИЗ ЦИКЛА «АФЕРИЗМЫ»

Служебные дела надо решать быстро, личные – немедленно.

Совершенно нет времени кануть в вечность.

Дурачиться полезно по распорядку дня.

К вечеру жажда славы заметно утихает, уступая жажде наживы.

Кремлёвская стена от постороннего глаза не спасает.

Не пытайтесь обмануть жизнь. Она может вернуться и повториться.

Чаще всего скромничают относительно своей наглости.

Воровство уходит в историю. На смену ему приходит изыскание возможностей.

Имея фамилию из одних шипящих, трудно рассчитывать на громкое имя.

Бросать тень на коллектив в любое время суток – редкий дар.

Чем мельче плаваешь, тем глубже выражение лица.

Чувство глубокого удовлетворения лучше испытывать при народе.

От жизни хорошо брать всё, что плохо лежит.

Жаловаться на судьбу никогда не поздно.

Не становись перед дилеммой на колени.

Не экономьте время – хватит всем!

Одним судьба улыбается, другим – гримасничает.

С пчеловодов взятки сладки.

ИЗ ЦИКЛА «ЛОПУХИАДА»

При покупке кота в мешке переплатил за мешок.

Втирать очки можно долго – пока не нарвёшься на кобру.

Вышлю чертежи мухобойки принципиально новой конструкции.

Лучшие умы России бьются над проблемой перевода петухов на зимнее время.

ИЗ ЦИКЛА «НАЧАЛИНКИ»

Мечтать нужно о том, чем думать.

Если на гражданке все такие умные, то почему они строят не ходят?

Не так страшен чёрт, как его начальник.

Чем дольше кричишь на подчинённых, тем дольше слышно.

Неприятности приходят и уходят, а их творцы остаются.

ИЗ ЦИКЛА «ЖЕНСОВЕТ»

Любить жену надо так, чтобы другим неповадно было.

Если уж грешить, то с лучшей половиной человечества.

Если вы просчитались, обсчитайте ещё раз.

Стоит лишь раз завести часы – и это приходится делать постоянно.

ИЗ ЦИКЛА «ДОСУЖИНКИ»

Валять дурака намного приятнее с единомышленниками.

Бить баклуши можно и в две смены.

Принцип отбора в народный хор: кто дольше протянет.

Лица до шестнадцати лет к замочной скважине не допускаются.

Лодырь думает о том, чтобы лишний раз не думать.

Танцевал из рук вон плохо, надеясь, что спасут ноги.

Недавно по городу прополз очередной музыкальный слух.

Всероссийское шоу: показательное падение нравов.

Я кинут, а могли бы опустить.

ИЗ ЦИКЛА «ВЧЕРАШНИЙ АДРЕНАЛИН»

21 сентября вся вторая смена по сейсмическим причинам осталась без опохмелки: трясло!

Популярный персонаж местного фольклора – доктор Айтошнит.

Начальник цеха настолько искусно прикидывался трезвым, что его постоянно продолжали угощать.

Местные выпивохи грозят не выходить из запоя до повышения закупочной цены на стеклотару и расширения сети пунктов её приёма.

Известный на весь город охранник, Анатолий Николаевич К., так обмыл свой юбилей, что до сих пор не помнит, как разменял седьмой десяток.

Выражаем глубокое соболезнование начальнику разливочного цеха по поводу его безвременного ухода с рабочего места.

Наиболее искушённая часть мужского населения решила бросить пить, чтобы попробовать себя в новом качестве.

Секретарша, опрокинувшая по неосторожности пару стаканов дорогого вина, до сих пор расплачивается.

«Ликёро-водочному цеху требуются грузчики. Вредные привычки не обязательны».

МУДРОСТЬ
собирай
по капле
ЛЮБОВИ
изливай
рекою

Юрий Михайлович Ключников – известный русский поэт, эссеист, философ, переводчик, автор 23 книг стихов, переводов и эссеистики, академик Петровской академии наук, член Союза писателей России и Союза журналистов России, лауреат ряда литературных премий.

С 1990 по 2019 год Ю. Ключников выпустил более двух десятков книг стихов, публицистики и прозы: «О назначении России» (1989), «Благая весть Новой Эпохи» (1991), «Мистический Пушкин» (1992), «К Белухе» (1992), «Лики» (1993), «Небесная Россия» (1994), «Белый остров» (2000), «Поэт и фея: эзотерическая сказка о странствиях души в мирах видимых и невидимых» (2004) и мн. др.

«Весёлый странник золотого века»

О ЮРИИ КЛЮЧНИКОВЕ

Здесь речь о поэте совершенно особом, единственном в своём роде, другого такого просто нет. Он не новатор с точки зрения просодии, метрики, ритмики; его сила – мужественное мастерство в законных границах стихосложения, поэтический универсализм и несокрушимая нравственная цельность. И почти не имеющая равных плодовитость.

Поэт – это обязательно личность. Не-личность не станет поэтом, даже если прилежно освоит стихосложение, – выдаст отсутствие стержня. После дюжины даже вполне гладких строф (а хватает обычно и пяти-шести) его / её текст будет снисходительно отложен в сторону – конечно, если читатель обладает поэтическим чутьём. Оно дано не всем.

Но быть личностью мало. Не всякая личность, даже со стержнем, даже достойная во всех прочих смыслах, создана для поэзии.

Окончательного объяснения поэзии не дал никто, хотя попыток было не счесть. Есть лишь один критерий: вы ощущаете чудо.

Сказано, вероятно, уже сотни раз: поэзия сродни музыке. Почему именно это сочетание звуков хватает за душу, кто это объяснит? Почему именно это сочетание слов?

Поэзия – это образность, не ограниченная практически ничем. Она бывает изящной и остроумной, бывает резко неожиданной, а бывает, что называется, проверенной временем. Поэзия – это непредсказуемость, это внезапные сближения, невозможные в прозе. Поэзия – это

звук. Может быть – прежде всего звук, даже когда вы читаете «про себя».

Переводы – это тоже испытание поэта на подлинность, ибо хорошие стихи на чужом языке суть вызов, не принять который не позволяет поэтическая честь. Не знаю, как в других литературах, а в русской высокие образцы перевода становятся частью корпуса национальной поэзии. Мы любим, читаем и с удовольствием цитируем Вильяма нашего Шекспира и Омара нашего Хайяма, как своих.

Подлинных поэтов отличает несходство между собой, «штучность» их судеб. Тот, о ком у нас сегодня речь, этому мерилу соответствует как-то особенно ярко. Юрий Ключников, «весёлый странник золотого века», как его называют рецензенты (цитируя «Золотой век» самого же Ключникова), 24 декабря отметил своё девяностолетие. Все свойства и признаки подлинной поэзии, поименованные выше, ему присущи – в разных долях, но все. Не могу не согласиться со Львом Аннинским: «Тысячи своих строк Ключников выдержал в рамках державинско-пушкинской гармонии, не польстившись ни на какие авангардистские уловки». Юрий Ключников родился в городке Лебедин на Украине, 10-летним увезён в эвакуацию в Сибирь, в шахтёрский город Ленинск-Кузнецкий. Окончил Томский, один из лучших в стране, университет, в совершенстве освоил французский язык. Начиная директором сельской школы, перебрался в Новосибирск, работал гидом-переводчиком в Интуристе, радиожурналистом. В хрущёвскую оттепель учился в Высшей партийной школе в Москве на отделении печати, радио и телевидения. В Москве на Рождество в канун 1965 года имел видение Бога.

Его муза никуда не торопилась. В Новосибирск Ключников вернулся главным редактором сперва областного радиокомитета, затем Западно-Сибирской студии кинохроники. Свою советскую карьеру Ключников закончил редактором Западно-Сибирского отделения издательства «Наука». На этой должности он увлёкся богоискательством и духовными учениями Востока. За что и вылетел в 1983 году с

работы. Устроиться он смог только грузчиком хлебозавода.

Этот поворот судьбы оказался для Ключникова воистину счастливым. После рабочего дня у него появилось свободное время, чего не было раньше, и он наконец отдал его стихам, а с началом перестройки включился в рериховское движение, объездил весь СССР, стал соучредителем издательства «Алгим», выпустившего десятки книг духовной направленности. Резко окрепший за шесть лет физического труда, он легко участвовал в экспедициях на Алтай, в Гималаи, Индию, Непал, десять лет водил большие (до 100 человек) группы к верховьям Белухи и Катуня – туда, где русские старообрядцы и другие странники двести лет искали своё Беловодье, райскую страну воли и правды. Позже пришёл к православию.

В случае Ключникова мы вправе (и даже обязаны) включать переводы в общий зачёт не только по причинам, что они в большинстве своём превосходны, он бережный соавтор тех, кого любит и переводит. А сверх того Ключников далеко обогнал всех, кто в XXI веке пробует разговаривать с мировой классикой в стихах и переводах. По складу личности он универсалист, которому доступны все жанры, очень разнообразный в своём творчестве. Он гармоничный и счастливый человек, нашедший своё Беловодье.

Стихотворных переводов Юрия Ключникова примерно 1500 – из древнеперсидской, древнекитайской и французской поэзии, а также из Шекспира. Чувствуется, что это не заказная работа, отбор диктовался любовью к самим стихам. Переводы максимально раскрывают лирический талант нашего поэта, порой излишне подчинённый в его русской поэзии гражданско-публицистическому императиву. Я просто покорён его мастерством и ненатужной верностью оригиналам. Есть прекрасный критерий: оценивать стихи, уже известные по переводам, ставшим каноническими.

Александр ГОРЯНИН,
писатель, публицист, член СП
и Русского ПЕН-центра

Зимние стихи

ПОДСНЕЖНИК

Как улыбка ребёнка
Навстречу глазам материнским,
Словно озера блеск, благодарный
Приходу весны,
Он на солнце глядит
Из-под снега осевшего с риском
Потерять свою голову
В грубых сугробах лесных.
С веток падает лёд,
Тёмный паводок буйствует рядом,
Сухостой и валежник
Мы топчем в соседних кустах –
Всё угроза ему,
Всё охрана ему и отрада,
Всюду зелень надежды
Растёт сквозь коричневый страх.
Да, сломай стебелёк –
Нарастут из-под снега другие,
Пропадём все подряд,
Чтобы встать через год, через два...
Ах, Россия моя,
Вся в снегу почернелом Россия,
Мой безмолвный подснежник,
Ты всё же, родная, жива!

ПИСЬМО ИЗ ТВЕРСКОЙ ГЛУБИНКИ

Над просторами шиферных крыш
Кольца дыма, как ангелы, тают.
Самолёты отсюда в Париж,
А тем более в Тверь, не летают.
Словом, царство зелёной тоски,
По понятиям нынешним нашим.

И всего двести вёрст от Москвы
Чудо-город по имени Кашин.
Чем чудесен? Петлёю реки,
В виде сердца закрученной странно.
Жизнью предков смертям вопреки,
Благоверной княгинею Анной,
Мудро правившей в этих местах
Среди вечных российских раздоров...
Весь в сугробах и в древних крестах.
Вот такой удивительный город.
Поседевший до самых бровей,
Словно кисти Васильева мистик,
Прячет лик среди хвойных ветвей...
А ещё здесь заносы не чистят.
Город как из былины упал
Одна тысяча двести...
Не стану
Углубляться в былые туманы,
Сообщу, что с тоски не пропал.
По колено плутаю в снегу,
Размышляю, что город мне ближе
И Твери, и Москвы, и Парижа.
Почему?
Объяснить не могу.

В НАШИХ ДАЛЬНИХ КРАЯХ

В наших дальних краях
На крутых перепадах преддизимья
Ветер Арктики южным
Слоистым туманом пророс.
Тёмно-серый платок
И платок ослепительно-синий
То и дело меняют
Безлистые кроны берёз.

Город весь в напряженье,
В раздёрганных жестах и звуках
В ожидание зимы
Межсезонные правит труды.
Лакированный дождевиком
Чёрный провал виадука
Пожирает машины
С гудением судной трубы.
Но бесстрашной травы
Проступают зелёные пятна
Через иней и сор,
Сквозь дыханье декабрьских угроз.
Непривычный ноябрь –
На багровой ухмылке закатной
Пламенеет Венера,
Звезда милосердия и гроз.

ОБЬ ПЕРЕД ЛЕДОСТАВОМ

Ей траурную ленту бор накинуд
На снежный берег.
Инеем блестя,
Скитаются по заберегам длинным
Последняя опавшая листва.
Последний рейс.
Последний шум причальный.
Поклон последний крана с высоты.
В зелёный стрежень смотрятся прощально
Плечистые бетонные мосты.
Нацеленная думой в Ледовитый,
Свой труд земной
Справляя день и ночь,
Все наши радости деля и все обиды,
Она от них тотчас уходит прочь.
Что ей зима, когда пред нею вечность!
Что сумрачный арктический туман!
Ведь умирая каждый миг как речка,
Рождается она как океан.

ТРАНССИБ

За вагонным окном
Проводами расчерчены ели.
От Москвы до Сибири,
По всей необъятной Руси
Пряжу белую ткнут
Молчаливые наши метели,

И вдогонку вагонам
Седая лошадка трусит.
Через ямы и кочки,
Сквозь бесов кривые ужимки
Русь рысит не спеша
По раздольной дорожной петле.
Прикасаются нежно
Февральского снега пушинки,
Словно пальцы ребёнка,
К уставшей от грусти земле.
Наважденья уносятся
В тёплом берёзовом дыме.
Наглotalись мы вдоволь
Заёмных сладостей и страстей.
Проплывёт деревенька,
В душе всколыхнёт и подымет
Задремавшие корни
Под ворохом шумных вестей.
Так судьба прочертила
Наш путь по не нашим орбитам,
Новизна упирается
В издревле данный завет:
Возвращаться из города
К сельским просторам забытым,
Из колодцев чужих
Подниматься на собственный свет...

ПОЕЗД АБАКАН – МОСКВА

Поезд тянется еле-еле
Через горы декабрьским днём.
Словно свечи, высокие ели
Полыхают хмурым огнём.
Это тёмно-зелёное пламя
Здесь горит с берендеевых пор,
Здесь свои вековые планы
Над Уралом Господь простёр.
По ту сторону тренды-бренды
В европейской нарядной фольге,
А по эту – наши легенды,
Соболиное царство в тайге.
Там ночное шарканье тапок,
Здесь в снегу медвежьи следы.
Благодарствуем, дряхлый Запад,
За науку твою и труды,
За наезды, насмешки, подкопы,
За усердие пятых колонн.

О, твои мостовые подковы
Мы не раз проверяли на звон.
За спиной остаются горы,
Возникает степной распев,
Ослепительный снег, просторы...
Поезд наш начинается разбег.

РАССВЕТ В ПОЕЗДЕ БИЙСК – НОВОСИБИРСК

В оконной чёрной яме ночного февраля
Под редкими огнями невидима земля.
Наш путь лежит на север, но на восток – глаза,
Откуда чудо сеет нам лесополоса.
То золото на гнёздах, то графику причуд,
То входит в синий воздух оранжевый прищур.
Он искры снежной пыли роняет на бегу,
И тени голубые на ангельском снегу.
И вот уже взирает открытый солнца глаз
На всё, что провожает ночную мглу и нас.

ЕЛЬ

Там, где январская дремлет метель,
В хвойных запутавшись иглах,
Из-за ствола корабельного ель
В свитере снежном возникла.
Солнечный луч у высокой сосны
Перехватив незаконно,
Словно смычком, на струне тишины
Что-то играет знакомое.
Что-то забытое будит в груди
Строгая зимняя пьеса.
Светловолосая, не уходи
В синие сумерки леса!
Эту мелодию ждал я давно
Встретить на тропах закатных.
Чуть задержитесь в дорожном кино,
Неумолимые кадры!
Но за шлагбаумом крутит метель
Снова свои серпантины.
Прячут от глаз уходящую ель
Сосен гвардейские спины.
Прячется солнца недолгий каприз
В складках январского неба.
И растворяется маленький принц
В свитере белом из снега.

140-ЛЕТИЕ АДМИРАЛА

Красиво умирал Колчак,
Смотрел поверх штыков, молчал.
О снисхожденье умоляя,
С ним рядом плакал Пепеляев.
Соединял февральский лёд
Двух пленных и особый взвод,
Россию ту с Россией этой.
И ахнул залп, и эха гром
Откликнулся в тридцать седьмом
Свинцовой тою же монетой.
И тоже кто-то был красив
На алом стыке двух России.
Забудем о минувшей злобе,
Сегодня вспоминая обе.

* * *

Клок сена –
Зов пахучий лета –
Упал на синий санный след.
Примета памятная эта
Во мне живёт уж много лет.
Да пара синих тонких лент
На весь великий белый свет
В душе струится много лет,
Хотя чего там только нет.
Итак, чадающий сорок первый
На искорёженной земле,
И снег,
Торжественный,
Безмерный,
За Волгой в маленьком селе.
Трусит седой Серко в тумане,
Качает длинной головой.
И пахнут, о как пахнут сани
Блаженной летней муравой!
А в небе синий столб висящий,
Не дым войны –
Но дым кизячный.
Да деревенская труба,
И снег, и сено с санным следом –
Как вековая борьба
И неизменная победа.

ПУТЬ УЧИТЕЛЯ

Редко в сегодняшней жизни можно встретить человека, искренне любящего свою профессию и нашедшего призвание в жизни.

«В первую очередь я учитель. Даже перейдя на работу в пединститут, я продолжала вести уроки в специализированных филологических классах. Только непосредственный контакт с учениками школ давал мне ощущение того, что должна делать высшая школа для начального и среднего звена», – увлечённо говорит Нина Георгиевна Блохина, доктор филологических наук, выдающийся учёный-синтаксист, заслу-

женный работник высшей школы, автор многих учебников и замечательных книг, посвящённых изучению русского языка, и моя землячка из Первомайского района Тамбовской области. Её красивый юбилей приходится на 15 января – день памяти преподобного Серафима Саровского, тамбовского святого, престольный праздник которого отмечают в селе Иловой-Дмитриевское.

Её трудовой стаж, насчитывающий более 60 лет, начался в сельской школе села Старославино Первомайского района, где она

и училась. Затем поступила в Мичуринский учительский институт, ставший впоследствии педагогическим, где получила ценный совет, усвоенный на всю жизнь, от профессора-лингвиста Антонины Ивановны Чижик-Полейко, которая рассмотрела дарование и внушала студентке: «Главное – не устанавливай над собой потолка. У тебя к русскому языку такое чутьё, которое, поверь, немногим даётся».

Эти слова стали пророческими. Работая сначала учителем, а затем и директором самой большой школы района, Нина Георгиевна стремилась к совершенствованию и, никому не сообщив (чтобы не было стыдно в случае провала), поступила в аспирантуру. А отработав в школе 22 года, достигнув высоких показателей (её ученики поступали в самые престижные вузы страны, подтверждая знания, данные в сельской школе, при этом Блохина несколько раз избиралась депутатом местного, а затем и областного Советов народных депутатов), эта сильная женщина не стала держаться за благополучную и уже устроенную жизнь, а без колебаний перешла на работу в Тамбовский государственный педагогический институт на должность профессора кафедры филологии, опубликовала более 500 научных статей и выпустила шесть учебников русского языка.

Её методика обучения русскому языку новаторски оригинальна и занимательна и заключается не в зазубривании простых правил, а в понимании русского языка.

Нина Георгиевна, пожалуй, единственная в Тамбовской области обратилась со страниц областных газет к читателям в Международный день родного языка: «Нам, россиянам, русским, следует бороться за родной язык, его чистоту и сохранность. Изучение русского языка на любой стадии следовало бы объединить с изучением произведений художественной литературы, созданных мастерами слова, дающими возможность почувствовать красоту и богатство русского языка».

И с этими словами нельзя не согласиться, ведь и классики русской литературы особое внимание уделяли русскому языку, особому

материалу, в который облекается текст, чему есть немало подтверждений.

Когда Нина Георгиевна писала докторскую диссертацию, она была направлена в командировку в ГДР, где завершила работу над диссертацией и стала преподавать в Эрфуртском университете на кафедре славистики. Всего лишь за год благодаря своей авторской методике смогла научить своих студентов не только бегло говорить по-русски, но и читать художественную литературу и анализировать прочитанное на неродном языке.

В Германии Нина Георгиевна не только работала со студентами-иностранцами, но и проводила консультации с аспирантами, которые учились в университетах Лейпцига и Потсдама, а также занималась с учителями-руссистами, обучавшимися заочно в СССР в институте имени А. С. Пушкина. За успешную работу в Германии её наградили медалью Теодора Нойбауэра, чьё имя носит Эрфуртский университет, медалью «Активист социалистического труда», а в последующем – знаком «Отличник образования».

«Только все вместе мы сможем сберечь родной язык и для этого должны прививать подрастающему поколению любовь к нему. И не только в школе, но и дома, в вузе – везде, потому что везде наша Родина». Это произнесено не для красного словца, это крик души неравнодушного человека, любящего и тонко чувствующего русский язык.

Нельзя считать случайностью, что международным биографическим центром «Кто есть кто» Кембриджского университета Великобритании Нине Георгиевне Блохиной дважды, в 1992 и 1993 годах, присуждалось почётное звание «Женщина года».

И в юбилей, и в будний день Нина Георгиевна в творческом научном поиске. Она тот Учитель, который всегда учится сам. Образованность, интеллигентность, патриотизм и научный багаж знаний дают ей право гордо нести звание Учитель.

Анатолий ТРУБА

ПЛОДОТВОРНАЯ ОСЕНЬ

Осень 2020 года принесла редколлегии литературно-исторического журнала «Александръ» череду признаний и заслуженных наград.

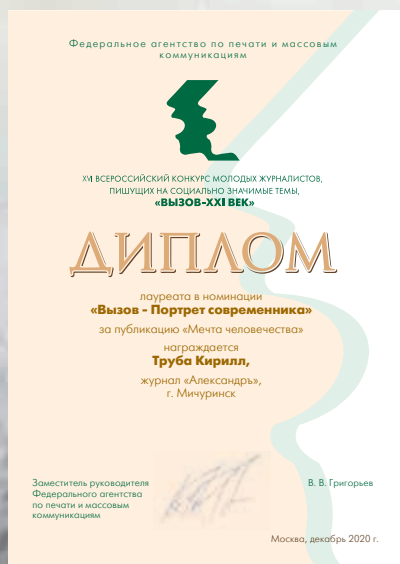
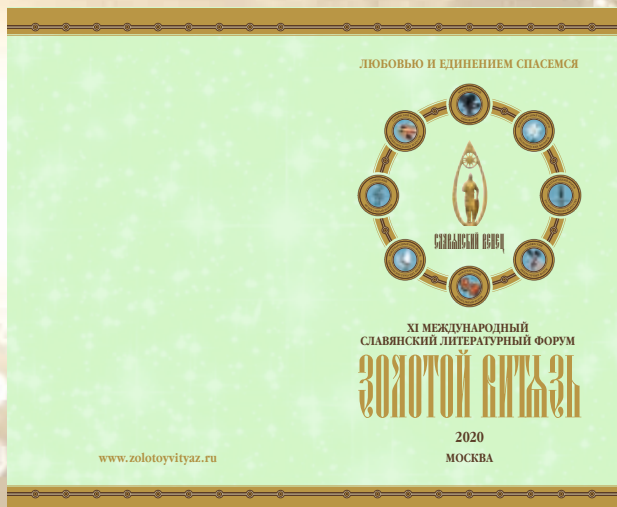
Так, 2 октября, в канун 125-летнего юбилея Сергея Александровича Есенина, Союз писателей России совместно с управой района Кузьминки в Москве, на Есенинском бульваре, организовали праздничное мероприятие, на котором заслуженная награда – памятная медаль «Сергей Есенин» – была вручена шеф-редактору журнала «Александръ» Александру Семину, уроженцу села Ушаково Рязанской области.

Традиционной стала победа «Александра» на конкурсе журналистов «Патриот России – 2020», финал и вручение наград которого проходили с 8 по 10 октября в г. Архангельске.

Ну а настоящим триумфом стал финал конкурса «Золотой витязь», прошедший 15 октября в Москве, где сам литературно-исторический журнал «Александръ» получил Золотой диплом этого престижного конкурса и сразу две книги, «Батюшка» и «Тамбовские казаки», автором которых является главный редактор Анатолий Труба, были удостоены диплома «Золотого витязя».

4 декабря молодой автор и ведущий сайта «Александръ» Кирилл Труба был награждён дипломом XVI Всероссийского конкурса молодых журналистов, пишущих на социально значимые темы, «Вызов XXI века».

Александр СЕРГЕЕВ

«АЛЕКСАНДРЪ»
atextib.ru